

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vet. DK4.
S276. 085

4 121 (1828, 17)

1828

17

(121)

~~Room 6 (Window 2)~~

Vet. DK 4. S276.085

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ПРОГРАММЫ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

274
63

Николаемъ Гречемъ

И

Евдеемъ Булгаринимъ.

ЧАСТЬ СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧЕ

1828.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Августа 15 дня 1826 года.

*Цензоръ Надворный Советникъ
П. Гаевскій.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1828. № XVII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВДОВА, ЖИТЕЛЬНИЦА ГОРЬ.

(Окончаніе.)

Эльса брела не все впередь, иначе вскорь ошдалилась бы она оченъ ошь хижины, гдѣ оставила своего сына. Она описала родъ круга, котораго центромъ была эта хижина, непрерывно привлекавшая къ себѣ вновь ея сердце; и сколько ни блуждала она вокругъ, но чувствовала, что нѣтъ возможности совершенно ошь нея удалишься. Съ первыми лучами солнца она возвратилась, и подойдя къ дверямъ, сдѣланымъ изъ плешня, остановилась на мину, какъ бы спыдая того, что безнокійная нѣжность опять привела ее къ мѣсту, которое оставлено ею въ намѣреніи никогда къ нему не возвращаться; но были и другіе спрахи у нея на душѣ. Ея блонкурый сынокъ, можеть быть, боленъ ошь неизмѣреннаго пріема данной ему ошравы;

его враги не пришли ли уже схватить его во время ночи? — Легонько отворила она дверь, и вошла безо всякаго шуму. Упомленный огорченіемъ и поскою, а можеть бышь и подверженный еще нѣсколько вліанію усыпительнаго напитка, спалъ Гамишь шѣмъ крѣпкимъ сномъ, въ какой, какъ сказываютъ, впадаютъ Индѣйцы въ промежутки совершаемыхъ надъ ними мучительствъ. Едва мать его могла удословѣриться, что видишь его передъ собою на постели; едва убѣдилась она въ жизни его, прислушавшись къ дыханію. Съ преневающимъ сердцемъ приблизилась она къ очагу, устроенному посреди хижины, на которомъ, подъ кускомъ шорфа, таился огонекъ, никогда непогасающій въ жилищѣ Шошландца, пока не оставяшь его навсегда обитатели.

— „Слабая искра“ — сказала Эльспа, зажигая, съ помощью лучины, опрубокъ болотной сосны (*), долженствовавшей служить вмѣсто свѣчи: „слабая искра; скоро

(*) Въ Шошландскихъ и особенно въ Ирландскихъ болотахъ находятъ, въ разной глубинѣ, цѣлые лѣса лежащихъ горизонтально сосенъ, боковыхъ дерево, совершенно сохранившееся, служивъ для разныхъ употребленій, и между прочимъ для свѣщальниковъ.

уже погаснешь ты навсегда, и дай Богъ ;
чтобъ жизнь Эльсы Макъ-Тавишь не про-
должалась долѣе твоей !“

Говоря такъ , поднесла она свѣщиль-
никъ къ постели , на кошорой сынъ ея ле-
жалъ распрощершій , въ такомъ положеніи,
что можно было усомниться , почно
ли онъ спитъ или находится въ обморокъ .
— Вдругъ онъ вскочилъ , шрепеща ; сдѣлалъ
шагъ впередъ , держа въ рукъ обнаженный
кинжалъ , какъ человекъ , идущій на встрѣ-
чу смертельному врагу , и вскричалъ : „Не
подходи ! — если дорогà тебѣ жизнь , не
подходи !“

— „Вошь голосъ и осанка моего му-
жа !“ воскликнула Эльса : „и по этимъ
словамъ и поступку я узнаю опять сына
Макъ-Тавишь-Мора.“

„Машушка !“ сказала Гамишь , измѣняя
свой твердый , опчаянный тонъ на горест-
ный , почти плачевный : „о! мидая машуш-
ка , зачѣмъ ты возвратилась ?“

— „Спроси у лани , зачѣмъ возвра-
щается она къ своему дѣвшицу ; спроси у
горной кошки , зачѣмъ возвращается она въ
свою нору и къ малюшкамъ своимъ . Сердце
матери , Гамишь , живешь шолько въ груди
ея дѣвшица.“

„Въ шакомъ случаѣ скоро переспанешь оно бишься“ — сказала Гамишь: „если полько не можешь бишься въ груди, поверженной въ могилу. — Машушка, не осуждай меня, я плачу, но не о себѣ; я плачу о швоей участи. Мои спраданія скоро кончатся, а швои. . . Ахъ, кшо другой, кромѣ Бога, прекрашишь ихъ!“

Ошь вшихъ словъ Эльспа опшашнулась и зашрепешала; но вскорѣ пріосанилась она снова и съ гордымъ видомъ сказала:

„За минушу еще видѣла я въ шебѣ мужчину, и вошь, опяшь шы ребенокъ. Послушайся меня, удалимся вмѣспѣ отсюда. Скажи, виновата ли я въ чемъ передъ шобою? огорчила ли чѣмъ шебя? Если и шакъ, не мспи же мнѣ споль жестпоко. — Смопри: Эльспа Макъ-Тавишь, кошорая никогда не склоняла кодьна, даже передъ священникомъ, падаешь къ ногамъ своего сына, и умоляешь его о прощеніи.“ И вдругъ она поверглась на кодьна передъ молодымъ челоукомъ, схватила его за руку, спшала осыпашь ее поцѣлуями, и при каждомъ, самымъ пронзительнымъ голосомъ, повшорала мольбы о прощеніи. — „Проспи!“ восклицала она: „проспи, изъ любви къ праху опца швоего. Проспи — изъ уваженія къ мукамъ, какія прешертѣвала я, нося шебя у груди

своей, — къ попеченіямъ, какія имѣла о швомъ воспианіи. — Въемли, Небо! будь свидѣтельницею, Земля! мать просишь прощенія у своего дѣшца, и ей въ немъ опказываютъ!“

Тщешно Гаминъ усиливаетъ остана- вишь полюкъ спрасныхъ рѣчей, убждая мать свою самыми шоржешвенными увѣреніями, что онъ просишь ей пагубную хитросишь, какую она прошивъ него умошребила.

— „Пусшя слова!“ сказала она: „на- прасныя увѣренія! Ты дѣлаешь ихъ; чшобъ шолько скрись всю яросишь своей злобы. Хочешь ли, чшобъ я повѣрла? Ошавъ сію минушу эшу хижину и удались изъ страны, кошорая съ каждымъ часомъ шановишся для тебя опаснѣе. Сдѣлай, чего я шре- бую, и шогда я повѣрю, что шы прешишь мнѣ; — опкажи въ шомъ, и я снова при- нимаю въ свидѣтели небо и землю, луну и звѣзды, съ какимъ неумолимымъ упорсишвомъ наказываешь шы мать свою за прешупокъ, кошорый, буде онъ шущъ ешть, сдѣланъ изъ любви къ шобъ.“

„Машушка!“ сказалъ Гаминъ: „шы ни- чѣмъ не опклонишь меня опъ моего намѣ- ренія. Ни опъ кого въ свѣшъ не рѣшусь я бѣжать. Если Баркальдинъ пошлешь про-

пизвъ меня и всѣхъ горцевъ, находящихомъ
 модь знаменами его, я буду ожидашь ихъ
 здѣсь, на эпомъ мѣспѣ; и сколько бѣ шы
 ни уговаривала меня бѣжашь, эшо все равно,
 что велвшъ вонъ шой горѣ вырвашься изъ
 ея осмеваній. Если бѣ я шочно зналъ, ка-
 кимъ пушемъ они пойдущъ сюда, шо изба-
 вилъ бы ихъ ошъ шруда ходишь за мною. Но
 шедерь я пойду черезъ горы, а они, можешъ
 бышь, прійдушъ озеромъ. Здѣсь буду я ожи-
 дашь своей учасши, и нѣшь въ цѣлой Шощ-
 ландіи такого сильнаго голоса, кошораго
 бы я послушадся и сдвинуадся съ эшого
 мѣсца.“

— „Такъ и я здѣсь останусь“ — ска-
 вала Эльсна, вспавъ и пришворясь спокой-
 ною: „Я видѣла смерть моего мужа, увижу
 безъ ужаса и смерть сына. Только Макъ-
 Тавицъ-Моръ кончилъ жизнь молодцемъ, не
 выпускаая дзъ руки своей сабли; а сынъ
 мой — его поведешъ на погибель, какъ вола
 на закланіе, Саксонецъ, кошорому онъ про-
 далъ себя за дѣвѣги.“

„Машущка!“ возразилъ несчастный мо-
 лодой челоувѣкъ: „шы опиняла у меня жизнь,
 и на шо имѣла право, давъ мнѣ ее; но не
 шронъ моей чеспи! Ее передали мнѣ храб-
 рые предки, и она не должна бышь помраче-
 на ни мечемъ, мужчины, ни словами жѣд-

щины. Чшо я сдѣлаю, еще можешь быть и самъ шого не знаю; но не искушай меня больше швоими оскорбительными рѣчами; ты уже нанесла мнѣ болѣе ранъ, нежели сколько излечишь можешь.“

— „Хорошо, сынъ мой“ — сказала Эльспа: „ты не услышишь ошъ меня болѣе ни жалобъ, ни упрековъ; будемъ молчать и ожидашь шого, чшо предназначишь намъ судьба.“

На другой день, когда лучи всходящаго солнца проникли въ хижину, безмолвную, какъ могила, мать и сынъ уже встали и занимались, каждый своимъ дѣломъ. Гамищъ чистишь и гошовиль свое оружіе весьма спарашельно, но съ видомъ глубокаго унынія. Эльспа, болѣе встревоженная духомъ, пригошовляла пищу, о кошорой наканунѣ, при случившейся бѣдѣ, нѣкогда было подумашъ. И какъ скоро все было гошово, она посшавила съѣсшное на сполъ передъ сыномъ, и проговорила ему сказанное однимъ горнымъ пѣвцомъ: „Безъ ежедневной пищи, сошникъ пахаря остаешся неподвиженъ надъ браздою; безъ ежедневной пищи, мечъ воина слишкомъ тяжель для руки его. Наше шѣло рабъ нашъ. Но мы должны питашь его, если хошимъ, чшобъ оно намъ служило.“

Такъ говорилъ некогда слѣпой Бардъ Фюнскимъ воинамъ.“

Молодой человекъ не отвѣчалъ ни слова; однако не отвергъ стоящей передъ нимъ лица, какъ бы желая собрать силы для ожидаемаго происшествія. Когда мать его увидѣла, что онъ уже насытился, то налила опять роковой бокаль и предложила ему въ заключеніе завшпрака. Но Гамишъ отвернулся, пренеся и съ судорожнымъ движеніемъ, выразившимъ вдругъ и ужась и опасеніе.

— „Нѣтъ, мой сынъ“ — сказала она: „шеперъ, увѣрю тебя, боюсься тебѣ нечего.“

„Не проси меня, мапущка“ — отвѣчалъ Гамишъ: „или лучше пусти въ другой сосудъ мерзкую жабу, и я выпью, но никогда не прикоснусь губами къ этому проклятому бокалу, никогда не употреблю этого душегубнаго напитка.“

„Какъ тебѣ угодно, сынъ мой!“ сказала Эльспа съ гордостью, и шутъ принялась она, съ большою дѣяшельностью, за различныя домашнія работы, которыя были прерваны наканунѣ. Каковы ни были чувства души ея, но, по виду ея и всѣмъ шлодвиженіямъ, надлежало бы заключить, что въ ней нѣтъ ни малѣйшаго безпокойства. Только по излишней дѣяшельности и безпре-

рывному движенію, могъ бы внимательный наблюдатель замѣшшь, что какое нибудь шажкое чувство должно бышь пружилою ея дѣйсвій; онъ могъ бы замѣшшь, сколько разъ, напѣвая въ полголоса разныя пѣсни и, вѣроятно, сама не помня, что дѣлаешъ, она вдругъ умолкала и быспро взглядывала на дверь хижины. Каковы бы ни были чувства Гамиша, его поступки были совершенно прошивоположны материнскимъ. Окончивъ чистку своего оружія, что дѣлано было во внутренности хижины, сѣлъ онъ передъ дверью, и успремилъ глаза на холмъ, лежащій передъ хижиною, какъ часовой, ожидающій появленія непріятеля. Поддень заспалъ его въ этомъ положеніи, котораго онъ вовсе не перемѣнялъ, и уже часъ спустя мать его, вышедъ къ нему и положивъ руку на плечо его, сказала самымъ хладнокровнымъ тономъ, какъ бы дѣло шло о посѣщеніи друзей: „Когда ты ихъ ожидаешъ?“

„Имъ нельзя прійши прежде, нежели ты спанушь длинно ложисься къ воспоку“ — отвѣчала Гамишъ: „и по въ такомъ случаѣ, когда самый ближній отрядъ, подъ командой сержанта Алланъ-Брекъ-Камерона, будешъ посланъ сюда нарочно изъ Дунбаршона, что впрочемъ весьма вѣроятно.“

— „Такъ войди же еще подь кровь швоей машери и раздѣли съ нею пригошювлєнную пищу; послѣ шого пусть придупь: — ты увидишь, что машь швоя не будеть безполезнымъ свидѣтелемъ или помѣхою во время опасности. Рука швоя, сколь ни искусна, не будеть такъ проворно разряжашь ружья, какъ могу я заряжашь ихъ; и даже, если шю необходимо, я не боюсь ни вспышки пороха, ни грому высшрѣла, и мнѣ говаривади, что пули мои не даюць промаха.“

„Именемъ Неба, заклинаю себя, машущка“ — сказала Гамишь: „не мѣшайся въ эшо дѣло. Алланъ-Брекъ очень уменъ и снисходителенъ; онъ происходитъ ошъ хорошаго племени. Можешь бышь, въ соспояднїи онъ общашь мнѣ, что наши офицеры не подвергнушь меня постыдному наказанїю; а если захошашь они заперешь меня въ шюрму или разсшрѣлашь меня — пусть шакъ! я гошовь!“

— „И ты повѣришь словамъ ихъ, глупенькое дитя мое! Вспомни, что племя Дермидово было всегда лѣшиво и лживо; не успѣюшь они наложишь оковы на швоя руки, какъ расшянушь себя и высѣкушь розгами.“

„Уволь меня отъ своихъ сужденій, ма-
шущка,“ сказалъ Гамишь спрогимъ пономъ:
„на что я рѣшился, то выполняю.“

Хотя Гамишь и говорилъ шакъ, чшобъ
избавишься отъ доукъ, или лучше, отъ
преслѣдованій своей мащери; но въ эту ми-
нуту ему невозможно было сказать, на
что именно онъ рѣшился. Вся его рѣши-
мость заключалась въ томъ, чшобъ ожи-
дать своей участи, какова бь она ни была,
безъ всякаго намѣренія усугубить произ-
вольную вину просрочки, другою — спа-
раніемъ избѣгнушь наказанія. Такою покор-
ность считалъ онъ для себя долгомъ, како-
го требовала отъ него честь, его собствен-
ная и его соотечественниковъ. Если бь его
признали измѣнившимъ данному слову и пре-
ступившимъ довѣренность офицеровъ, кому
бы спали вѣрнѣе впередъ изъ его товари-
щей? И не его ли, Гамишь-Бень-Макъ-Тави-
ша спали бы обвинять жители горъ, въ
томъ, что онъ оправдалъ и подтвердилъ
подозрѣнія, какія уже писалъ Саксонскій
военачальникъ на счетъ ихъ правдивости?
И шакъ онъ былъ весьма расположенъ оп-
дать себя на произволъ судьбы. Но было
ли у него намѣреніе, безъ всякаго шуму
опдаться въ руки опряда, кошорый прій-
дешъ за нимъ; или предполагалъ онъ сопро-

пшвляшсья съ шѣмъ, чшобы пршшедшше рашники убшлш его на мѣстѣ : шого и самъ не могъ онъ сказашь опредѣлшшедьно. Желанше видѣш Баркальдина и рашказашь ему о пршчшнѣ пршсрочки, понуждало его рѣшшшсья на первое; но спрахъ, подвергнушсья уншзшшедьному наказаншю, и жестокше упреки машери сильно склонялш его на ешорону послѣдняго, самаго опаснаго намѣренш. Бышъ шому или другому, предосшавшль онъ на пршзволь случая, въ мшнушу самаго дѣла, кошорое не засшавшло долго себя дожшдашсья.

Нашупалъ вечеръ, горы рашсплалш къ востоку свон гшгантскшя шѣнш, а между шѣмъ на ихъ вершшпахъ, обращенныхъ къ западу, еще опшсвѣчшвалось заревое золошо. Изъ дверей хшжшны ясно видна была дорога, обшвшающашся вѣкругъ Бенъ-Крюахана. На шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ скршваешсья она за горою, вдругъ явшлся опшрядъ изъ 'пашш солдашъ, кошорыхъ оружше заблшсшало опш послѣднихъ лучей солшца. Одынъ изъ ншхъ шшелъ впереш, а прочше по два въ рядъ, сообразно военной дшсшплшнѣ. Судя по ихъ ружьямъ, чапанамъ и шапкамъ, нелъзя было сомнѣвашсья, чшобъ шо не были солдашш Гамышева полка, предшвешмые уншерь-офшцеромъ; спшоль же ясно было и шо, по' ка-

кому поводу шли они къ берегамъ озера Аве.

— „Какъ бодро идушь они!“ вскричала вдова Макъ-Тавишь-Мора: „посмотримъ, такъ ли воропяшся. Но ихъ пятеро; слишкомъ большая разница въ числѣ, почему не грѣхъ будешь воспользоваться мѣстными выгодами. Спупай въ избу, сынъ мой, и спрѣлай черезъ щель, кошорая подлѣ деревни. Ты можешь положишь двоихъ, прежде нежели выйдунъ они съ большой дороги на шропинку. А шамъ, когда шрое останунъся, нечего опасашся; мы съ опцемъ швоимъ часто боролись противъ шроихъ.“

Гамишь Бенъ взялъ оружье, кошорое машъ подала ему, но не шрогался съ мѣста. Вскорѣ былъ онъ замѣченъ опрѣдомъ, судя по шуму, что солдаты ускорили свой маршь и съ большою скоросшью подвигались впередъ, не разспроиваясь однако въ порядкѣ, а все идучи по два въ рядъ, какъ борзые на сворѣ. Скорѣе, нежели возможно людямъ, не споль привыкшимъ къ горной ходѣбѣ, сошли они съ большой дороги, перебрались по шропинкѣ и приблизились на пистолезный выспрѣлъ къ двери, у кошорой сидѣлъ Гамишь, съ ружьемъ въ рукъ, неподвижный, какъ спашуа. Между швѣмъ его машъ, въ бѣшенствѣ, выходя изъ себя, все упрекала ему,

самыми сильными выраженіями, какія только можешь внушить опчаяніе, за его нерышительность и слабодушіе. Эти упреки еще болѣе взволновали въ молодомъ человѣкѣ желчь, и безъ того поднявшуюся въ груди его, при видѣ спарыхъ товарищей, которые такъ непощадно и быстро на него наступали, какъ псы на цѣпняющаго оленя. Сильныя неукротимыя спраспи, наслѣдованныя отъ отца и отъ машери, вдругъ закипѣли въ немъ при мысли, что и товарищи поступаютъ съ нимъ, какъ враги, и принужденіе, съ какимъ здравый разсудокъ его удерживалъ дошолъ порывы спрасшей, сшало вдругъ ослабѣвать. Сержантъ закричалъ ему: „Гамишь-Макъ-Тавишь, брось швое ружье и сдайся!“

— „Ошановись ты, Алланъ-Брекъ-Камеронъ, и удержи солдашь своихъ; иначе, мы дешево не раздѣлаемся.“

„Спой!“ закричалъ сержантъ солдашамъ, продолжая итти впередъ.— „Гамишь!“ сказалъ онъ: „подумай, что ты дѣлаешь, и брось ружье; ты можешь пролишь кровь, но все не уйдешь отъ наказанія.“

„Розги, розги, сынъ мой! помни розги!“ шепшала ему на ухо мать.

— „Ошерегись, Алланъ-Брекъ“ — сказалъ Гамишь: „я не желалъ бы съ шобою сеориться, но не дамъ себя арешовашь, по-

ка не увѣришь меня, что нѣчего мнѣ боишься Саксонскихъ розогъ.“

„Глупецъ!“ ошвѣчалъ Камеронъ: „ты вѣдь самъ знаешь, что это не ошъ меня зависишь ; однако я сдѣлаю, что могу. Я скажу, что встрѣшилъ шебя на дорогѣ, идущаго въ полкъ, и тогда наказаніе будетъ лёгкое. — Но брось ружье швое. — Впередъ, солдашы!“

Съ послѣднимъ словомъ и самъ онъ бросился впередъ, прощипнувъ руку, чшобъ ошспоронить ружье, которое молодой человекъ успремилъ прошивъ него. Тогда закричала Эльсна: „не щади же шеперь крови сына отца швоего, на защиту ошцовскаго пепелища!“ Гамишъ спустилъ курокъ, и Камеронъ упалъ мертвый. Все это происходило не долге минушы. Солдашы настунили шочасъ и схватили Гамиша, который, какъ бы въ онѣмѣннн ошъ шого, что было имъ сдѣлано, не оказалъ никакого сопрошивленія. Напрошивъ, машъ его, видя, что солдашы гошовы наложишь на него цѣпи, бросилась на нихъ съ шакою яростію, что надобно было двоимъ изъ нихъ держашъ ее, пока двое другихъ связывали узника.

„Не гнусный ли ты человекъ“ — сказалъ Гамишу одинъ изъ солдашъ: „что убилъ швоего лучшаго друга, который весь пушн

полюко о шомъ и говорилъ, какъ бы спаси шебя и избавишь ошь наказанія?“

— „Слышишь ли, машушка?“ сказала Гамишь, обращаясь къ машери, сколько позволяли ему его узы. Но машъ не слыхала, не видала ничего. Она лежала безъ чувствъ въ своей хижинѣ. Не дожидаясь, пока она опомнишь, ошрядъ повель своего плѣнника въ Дунбаршонъ. Однако, проходя черезъ деревню Галмаали, онъ ошановилъся и послалъ нѣсколько человекъ изъ жителей за шрупомъ несчастнаго своего командира, а между шѣмъ солдаты ошыскали Магистранскаго чиновника, и объявивъ ему о случившемся, спросили, что прикажушь имъ дѣлать. Какъ прешупленіе сдѣлано было по военной части, то имъ велѣли немедленно ошвестити арестанта въ Дунбаршонъ.

Обморокъ Гамишевой машери былъ довольно продолжителенъ; какъ ни было крѣпко ея шѣлосложеніе, но послѣдніе шри дни, кошорые женщина сія провела въ непрерывномъ волненіи, очень ее ослабили. Наконецъ Эльспа вышла изъ своего безчувствія ошь крика нѣсколькихъ женщинъ, кошорыя пѣли *коронакъ*, или погребальную пѣснь, всплескивая руками и пронзительно вскрикивая, между шѣмъ какъ волынка время ошь времени цомогада голосамъ ихъ заунывными шо-

нами, кошорыхъ строй принадлежалъ собственно клану Камеронову.

Эльспа вдругъ вскочила, какъ бы возставшая среди мертвецовъ, и почти вовсе не помня о приключеніи, происходившемъ передъ ея глазами. Въ хижинъ было нѣсколько женщинъ, кошорыя обвершывали шрупъ Камерона въ его окровавленный чапанъ и собирались унести его далеко ошь сего роковаго мѣста. „Женщины!“ вскричала Эльспа, внезапно прервавъ ихъ пѣніе и занятіе: „скажете мнѣ, зачѣмъ поете вы погребальныя пѣсни Макъ-Донкиль-Ду въ домъ Макъ-Тавишъ-Мора?“

— „Молчи, волчица!“ отвѣчала одна изъ женщинъ, родственица покойнаго. „Уйми зловѣщее вышье свое и дай намъ исполнять свой долгъ надъ шѣломъ любезнаго намъ родственика. Никогда ни *коронакъ*, ни *диржъ* не раздадутся ни для шебя, ни для швоего волченка-кровопійцы. Ястреба пожрушъ его на висѣлицѣ; лисицы и дикія кошки раздерушъ по часнямъ шрупъ его. Да будешь проклять, кшо благословишь вашу пайашь, и кшо положишь камень на нашемъ *кернѣ* (*) !

(*) *Cairn*. Такъ называли холмъ изъ камней набросанныхъ на могилѣ, для шого вѣроятно, чшебѣ

„Дочь безумной машери!“ возразила вдова Макъ-Тавишь-Мора: „знай, что никогда висѣлица, которою ты угрожаешь, не была наслѣдіемъ нашимъ. Тридцать лѣтъ черное древо закона жадничало шѣла моего любезнаго мужа; но онъ умеръ съ мечемъ въ рукѣ, и древо не дождалось исполненія надеждъ, не дождалось плодовъ своихъ.“

— „Не шаково будешь съ швоимъ сыномъ, коадунья кровожадная!“ воскликнула опять раздраженная Камеронова родственница, которая шакъ же была неистова въ спраспи, какъ и сама Эльспа. „Яспреба расшеребашь волосы съ головы его, прежде нежели солнце спрячется за островами Трешорнишскими.“

Эши слова наномнили Эльспѣ всю ужасную исторію послѣднихъ шрехъ дней. Сначала оспалась она неподвижною, какъ бы обращенная въ камень ошъ излишества скорби; но пошомъ, спушя минушу, гордоснѣ и крушость ея характера, при мысляхъ, что хощашь ругашься ею въ собшвенномъ ея домѣ, возвратили ей употребленіе языка и способность возрашашь. — „Да, скаредная нахапка!“ воскликнула она: „мой бело-

узнавашь мѣсто, и всякій мимошедшій поставлялъ себѣ обязанноштію прибавишь къ шому еще камень.

курый Гамишь можешъ шеперь умерешъ: онъ обагриль свою руку въ крови врага, въ крови Камерона, шполь прославляемой. Помни о томъ, и когда положишь въ могилу мершвеца, сдѣлай надгробную надпись, какой не найдешъ пы лучше: напиши, что онъ убишь Гамишемъ за то, что осмѣлился занести руку на сына Макъ-Тавишь-Мора на самомъ порогъ его жилища. Прощай, да напечатлѣнешя сшдыъ пораженія, пошерри и убійшва на кланъ, испытавшемъ все это.“

Уже родшвеница несчастнаго Камерона возвысила для опвѣща свой голосъ; но Эльспа, пренебрегая начашою ссорой, а можешъ бышь и боясь, чтообъ душевное огорченіе не взяло въ ней верхъ надъ распревоженною досадою, вышла изъ хижины и приясномъ свѣшъ луны направила пушь свой въ горы.

Женщины, озабоченныя совершеніемъ послѣднихъ обрядовъ надъ шѣломъ несчастнаго сержанша, оставили свое печальное занятіе, чтообъ слѣдовашъ глазами за Эльсною, которой исполнская шѣнь исчезала между скалами. — „Я очень рада, что она ушла“ — сказала младшая между ними. „По мнѣ лучше бы завершывашъ мершвеца въ саванъ въ присущешвиъ самого сашаны,—

Боже! прости согрѣшеніе — нежели при этой колдуньѣ. — Да, нечего говоришь, она въ свое время слышкомъ важивалась со врагомъ.“

„Глунав!“ возразила та женщина, которая выдержала до конца споръ съ Эльспою: „неужели ты думаешь, что есть, въ землѣ или надъ землею, какойнибудь врагъ, злѣйшій гордости и бѣшенства оскорбленной женщины, такой, какъ та кровопійца, которая ушла отъ насъ? Для нея кровь столько же была привычна, какъ роса для горной маргаритки. Много славныхъ людей, много храбрыхъ людей, которые ничего худого ей не сдѣлали, отъ нея испустили послѣдній вздохъ свой. Но шеперь подшибли ей колѣна, потому что волченокъ ея, убійца, каковъ онъ есть, долженъ и умереть, какъ убійца!“

Пока эти женщины разговаривали такимъ образомъ, охраняя тѣло Алланъ-Брекъ-Камерона, несчастная, причинившая смерть его солдата, продолжала уединенный путь свой черезъ горы. Все время, пока можно было видѣть ее изъ хижины, крѣпилась она изъ всѣхъ силъ, чтобы измѣненіемъ походки или какимъ-либо тѣлодвиженіемъ не дашь повода врагамъ своимъ, съ шоржешвомъ заключаешь, сколь велико ея изсупленіе

или даже отчаяніе. Она выступала гордо, больше медленнымъ, нежели поспѣшнымъ шагомъ, и выпрямляя спанъ свой, казалось, въ одно и тоже время переносила съ швердоспію несчасіе минувшее, и готовилась бодро встрѣтить то, кошорому надлежало быть неминуемо. Но какъ скоро исчезла она изъ виду отъ людей, остававшихся въ хижинѣ, то не могла уже превозмочь изскупленія чувствъ, ее терзавшихъ. Спранно закутавшись въ плащъ свой, она остановилась на первомъ холмѣ, какой ей попался, взошла на вершину, воздѣла руки къ блистающей лунѣ, какъ будто обвиняя небо и землю въ своихъ несчасіяхъ, и испустила крики, пронзительные, дикіе, подобные крикамъ орлицы, кошорой пшеницы похищены изъ гнѣзда ихъ. Въ сихъ неспройныхъ вопляхъ излила она свое огорченіе, а потомъ продолжала ипуть скорымъ, неровнымъ шагомъ, въ щешной надеждѣ догнашь опрядъ, уведшій сына ея плѣнникомъ въ Дунбаршонъ. Хотя силы ея казались выше челоѳческихъ, но за всѣмъ шѣмъ недоспавало ихъ на совершение такого предпріятія, и никакъ невозможно ей было, при всѣхъ усиліяхъ, исполнить свое намѣреніе.

Между шѣмъ, ни на что не взирая, напругала она свое изнуренное шѣло, чшобъ

сколь возможно скорѣ добрести до мѣста. Когда требовалась ей пища, она заходила въ первую хижину на пуши своемъ. Дайше мнѣ ѣсть, говорила она: „я вдова Макъ-Тавишъ-Мора, я мать Гамиша Макъ-Тавишъ-Бена, — дайше мнѣ ѣсть, чшобъ я могла еще разъ увидѣшь своего бѣлокураго сына.“ И ей никто не отказывалъ, хотя нерѣдко давали ей, по чувству какой-то внутренней борьбы состраданія съ отвращеніемъ, къ чему иногда присовокуплялся и страхъ. Неизвѣстно было, какое участіе принимала она въ убійствѣ Алланъ-Брекъ-Камерона, за копорымъ должна была послѣдовать смерть ея сына; но всѣ знали, каково нещастіе ея спростей, и какой родъ жизни вела она прежде. Никто не сомнѣвался, чшобъ не была она, такъ или иначе, причиною бѣды, и Гамишъ-Бена, въ совершенномъ имъ убійствѣ, считали менѣе участникомъ машери, нежели орудіемъ ея злобы.

Таково было общее мнѣніе соотечественниковъ Гамиша; но было вовсе бесполезно для несчастнаго молодаго человека. Капитанъ его, Грень Колинъ, зная весьма хорошо нравы и обычаи своего края, безъ труда вывѣдалъ у Гамиша всѣ подробности его просрочки и послѣдовавшей за шѣмъ смерти унтеръ-офицера. Онъ не могъ не

соболезновашь о семь несчастливцѣ, сдѣлавшемся жертвою взбаламошной и гибельной нѣжности своей матери. Но, при всемъ томъ, не могъ онъ найши никакого предлога къ избавленію его ошъ участи, къ какой присудили его дисциплина и военный судъ, въ наказаніе за его прешупленіе.

Недолго пшанулся судъ; споль же мало прошло времени между приговоромъ и его исполненіемъ. Генераль далъ передъ шѣмъ обѣщаніе, съ примѣрною спрогоспью наказашь перваго дезершира, который будешь пойманъ, и вошъ представился шакой, который защищался пришомъ вооруженною рукою и убилъ посланнаго за нимъ сержанта. Не возможно было найши виновнаго, который бы заслуживалъ болѣе наказанія, и пошому Гамишъ былъ немедленно присужденъ на смершь. Зашупничество его Капишана пособило шолько шому, что положили казнить его смершю солдаша, а не на висѣлицѣ, какъ предполагали прежде.

Въ это самое время случился въ Дунбаршонѣ и почтенный священникъ Гленоркійскій, вріѣхавшій шуда по дѣламъ своей лашвы. Онъ навѣспилъ въ шюрѣмъ несчастнаго Гамиша, и нашель его конечно невѣждою, но не упрямцемъ. Въ разговорахъ съ нимъ о предметахъ религіи получалъ

онъ такіе ошвѣщанія, которыя сугубо заставили его сожалѣть о томъ, что столь чистая и благородная душа оставалась, по несчастію, необразована и дика.

Удостоверясь въ характеръ и добрыхъ наклонностяхъ молодаго человека, почтенный пастырь погрузился въ глубокія, мрачныя размышленія о своей робости и небреженіи, которыя, родясь въ немъ отъ худой молвы о племени Гаиша, воспреняшествовали ему употребить усилія, чтобы возвратиться къ стаду эту заблудшуюся овцу. Но упрекая себя въ трусости, помѣшавшей отважиться на спасеніе можешь быть одной безсмертной души, онъ рѣшился поступать уже съ бѣльшею твердостью и постараться вымолить у офицеровъ прощеніе преступнику, или по крайней мѣрѣ отсрочку казни несчастливца, въ кошоромъ принималъ онъ живѣйшее участіе, сколько по кротости своего характера, столько же и по великодушію.

Ни сколько не медля, отправился онъ къ Капшану Камбелю, въ казармы, въ кошорыхъ стоялъ гарнизонъ. Мрачная задумчивость опягчала чело Грень Колина, и не только не уменьшилась, напрошивъ еще болѣе увеличилась, когда священникъ сказалъ свое имя, званіе и причину посѣщенія. —

„Вы ничего не можете мнѣ сказать“ — отвѣчалъ сей офицеръ: „въ похвалу этого молодого человека, чему бы я не повѣрилъ охотно; вы не можете и желать, чтобы я сдѣлалъ въ его пользу болѣе, нежели сколько я самъ къ тому расположенъ и сколько я дѣйствительно уже усиливался сдѣлать; но все напрасно. Генералъ въ половину принадлежитъ къ спранамъ низменнымъ, и сполько же къ Англіи. Онъ не имѣетъ никакого понятія о возвышенности и раздражительности характера горцевъ, въ коихъ по сему весьма часто бывають рѣзкія добродѣтели въ близкомъ отношеніи къ большимъ пресшунленіямъ, коихъ однако происходятъ не сполько отъ испорченности души, какъ отъ заблужденій разума. Я уже говорилъ ему даже, что въ этомъ молодомъ человекѣ умеривши онъ лучшаго и храбрѣйшаго солдата моей роты, въ коихъ всѣ, или почти всѣ честны и храбры. Я рассказывалъ ему, какую спранною хитросью причинена мнимая просрочка обвиненнаго, и сколь мало сердце его участвовало въ пресшунленіи, совершенномъ его рукою. На это онъ отвѣчалъ: у горцевъ есть видныя, споль же пустыя и вздорныя, какъ и вшорой видъ у Англичанъ. Наспоющему побѣгу можешь всегда служишь предлогомъ пьян-

ство; убійство сержанта можешь бышь также прикрыто припадкомъ сумасшества. Надобно показашь примѣръ — и если пошь, на комъ должно его показашь, хорошій солдатъ, то шѣмъ болѣе подвѣствуешь на другихъ смерть его. — Намѣреніе Генерала непреложно“ — продолжалъ Капитанъ Камбель, вздыхая, — „и вамъ, Г. Тири, остається только пригосовишь прислупника къ тому великому переходу, которому рано или поздно всѣ мы должны подвергнуться.“

— „И къ которому“ сказалъ священникъ: „сподоби всѣхъ насъ Господь пригосовишься такъ хорошо, какъ я буду спарашься пригосовишь этого жалкаго молодого чловѣка.“

На другой день, едва солнечные лучи привѣщствовали сѣрью башни, служащія дѣнцемъ необыкновенной ужасающей скалы, какъ солдаты новаго горскаго полка явились въ парадѣ, во внутренности Дунбаршонскаго замка, и построясь въ ряды, начали спускашься по крушымъ лѣсницамъ и узкимъ сходамъ, ведущимъ къ наружнымъ ворошамъ, въ самомъ низу скалы. Время ошь времени раздавались дикіе звуки *пиброка*, и были смѣняемы барабаннымъ боемъ и звуками флейшъ, наигрывающихъ маршь погребальный.

Участъ несчастнаго преступника не возбудила сначала того общаго сожалѣня, которое конечно возродилось бы, если бь ему готовили наказаніе шолько за побѣгъ. Убійство Алланъ-Брека давало совсѣмъ иной видъ пресупленію Гаиша, ибо сержаншъ былъ любимъ и сверхъ того принадлежалъ къ многочисленному, сильному клану, изъ котораго много солдатъ было въ спрю. Напрощивъ того, несчастный преступникъ былъ мало извѣстенъ въ полку и почти ни съ кѣмъ изъ солдатъ не находился въ связи. Опець его былъ, правда, знаменишъ своею силою и отважношью; но онъ происходилъ изъ клана бродящаго, какъ назывались тѣ кланы, которые не имѣли начальника для предводительствва на битвѣ.

Во всякомъ другомъ случаѣ, почти было бы невозможно найши въ полку людей, готовыхъ на исполненіе приговора; но избранные для того шесть человекъ были друзья покойника и происходили, какъ и онъ, изъ племени Макъ-Донниль-Ду, почему и вмѣшивалось въ ихъ чувства жестокое желаніе удовлетворить мщенію, при исполненіи обязанности, на нихъ возложенной. Первая ропша пошянулась изъ ворошъ; за нею послѣдовали и другія, подвигаясь впередъ или останавливаясь, сообразно приказанію

Адьюшанша, кошорый успроиваль пакъ, чшобъ образовались при спороны продолговатаго карре, внутрь котораго были обращены лица солдатъ. Четвертая или пустая спорона карре замыкалась утесистою скалою, надъ кошорою возвышается замокъ. Въ цѣнтрѣ всей свиты, съ обнаженною головою, связанными руками и безъ оружія, шла несчастная жертва закона военнаго. Смерщная блѣдность покрывала лице Гамиша; но щель онъ швердымъ шагомъ и глаза его блисшали болѣе, нежели когда либо. Его сопровождалъ священникъ; впереди несли гробъ, долженствовавшій заключить въ себя его смерщные останки. Товарищи его имѣли видъ угрюмый и шоржешщвенный; но какъ скоро всѣ они могли явшщвенно увидѣшь молодаго человѣка, спройнаго спаномъ, мужешщвеннаго, хощя и покорнаго видомъ, сердца ихъ или болщшей часщи изъ нихъ умягчилищя сосщраданіемъ. Даже нѣкошорые изъ шѣхъ, кошорые предалищя чувщствамъ мщщенія, жалѣли о немъ.

Гробъ, назначенный для принятія шѣла Гамишъ Бена еще живаго, былъ посщавлень въ концъ карре, на сажень ошъ подошвы скалы, кошораа въ семь мѣспѣ возвышалась ошвѣсно, какъ спѣна каменная, на шрисша или чешыресша фушовъ выщиною.

Туда же привели узника, въ сопровожденіи пастыря, который дѣлалъ ему утѣшительныя увѣщанія и котораго онъ слушалъ, казалось, съ благоговѣніемъ. Тутъ ошрядъ, которому надлежало спрѣлать, медленнымъ шагомъ и какъ бы съ большимъ принужденіемъ, вступилъ въ карре, и поспроился въ линію, лицомъ къ преступнику, сажень на пять отъ него. Священникъ былъ уже готовъ удалиться: „Помни, сынъ мой, что я тебѣ говорилъ“ — сказалъ онъ: „и укрѣпи сердце свое надеждою, которую спѣрался я внушить тебѣ. Тогда тебѣ легко будетъ перейти отъ сего крашкаго и жалкаго существованія въ жизнь вѣчную, неимѣющую скорбей. — Не могу ли я чтонибудь еще для тебя сдѣлать?“

Молодой человекъ бросилъ взглядъ на пуговицы рукавовъ своихъ. Онъ были золотыя — взятыя можешь быть опцемъ его у какого нибудь Англійскаго офицера, во время междоусобной войны. Священникъ опорвалъ ихъ.

— „Машери моей!“ сказала Гашищъ съ нѣкопорымъ усиліемъ: „опдайше ихъ бѣдной моей машери. Навѣстите ее, честный ошець, и внушите ей, что должна она обо всемъ помъ думать. Скажите ей, что Гашищъ Бенъ умираешъ съ бѣльшею радостію,

нежели была ша, какую онъ чувствовалъ, когда приходилъ съ продолжительной охоты на покой. Прощайше, сударь — прощайше!“

Почтенный священникъ едва былъ въ силахъ удалиться: одинъ изъ офицеровъ далъ ему опереться на свою руку. Когда онъ въ послѣдній разъ обратилъ свои взоры къ Гамишу, сей преклонилъ уже колѣна на гробъ; нѣсколько человекъ, находившихся подлѣ него, отошли въ сторону. Наконецъ дали роковой приказъ; въ скалъ съ громомъ отозвался звукъ выстрѣла, и Гамишъ упалъ со спиною на гробъ и умеръ, вѣроятно, не чувствуя и послѣдняго сраданія, пресѣкшаго дни его.

Тогда десяшь или двѣнадцать солдатъ изъ роты его приблизились и съ торжественнымъ благоговѣнiемъ положили въ гробъ трупъ своего поварища. Въ то же время били въ барабанъ и опять играли погребальный маршъ, а солдаты другихъ ротъ цѣпью пошнудись мимо гроба, съ шѣмъ, чтобы въ каждомъ впечатлѣлось ужасное зрѣлище, собственно для нихъ назначавшееся. Потомъ весь полкъ отправился опять на гору, при звукахъ веселой музыки, обычной въ подобныхъ случаяхъ; какъ бы для того, чтобы въ душѣ солдата ни печали, ни заботы не сохранялись надолго:

Между шѣмъ небольшой отрядъ, о которомъ мы говорили, отнесъ шреть несчастливаго Гамиша къ могилѣ, вырытой въ углу Дунбаршонскаго кладбища, назначенномъ для хороненія преступниковъ. Тамъ, посреди праха виновныхъ, лежишь молодой человекъ, котораго имя, если бы онъ пережилъ пагубныя обстоятельство, повергнуши его въ преступленіе, могло бы украшашъ льшюиши храбрыхъ.

Священникъ Гленоркійскій оставишь Дунбаршонъ немедленно послѣ совершенія казни Гамиша. Онъ не могъ не согласишься въ умѣ своемъ со справедливостию приговора, которымъ положено было, чшобъ цѣною крови плашишь за кровь, и не могъ не признашься, что мщительный характеръ его соотечественниковъ непременно долженъ бышь удержанъ крѣпкою уздою закона общественаго. За всѣмъ шѣмъ онъ оплакивалъ человека, содѣлавшагося его жертвою. Кто возропцешъ на небесную молнію, когда она сверкаешъ среди лѣса? и между шѣмъ, кто не воспѣнаешъ, когда она поразитъ прекрасный сшволъ молодаго дуба, обшцавшаго возрасташи къ украшенію всей долины, на которой родился онъ? Священникъ разсуждалъ еще о горестномъ событіи, когда, въ самый полдень, пробираешъ онъ чрезъ ущелья,

ведущія въ горахъ къ его жилищу, весьма еще отдаленному.

Очень хорошо зная мѣстоположеніе въ родномъ краю своемъ, священникъ нарочно свернулъ съ большой дороги на одну изъ тѣхъ пропункъ, по копорымъ обыкновенно бродящъ шолько пѣшіе или вѣдящіе верхомъ на горскихъ лошадахъ, копорыя, не смощря на свою малорослость, имвющъ швердую посшупь, и столь же крѣпки, какъ и поняшлывы. Мѣсто, черезъ копорое направлялъ онъ пушь свой, было само по себѣ мрачно и пущынно, а суевѣрныя преданія сдѣлали его спрашнымъ: увѣряли, что часто является шамъ, въ видѣ женщины, злой Духъ Cloght-Dearg, по ешь Красный Плащъ, копорый, будучи врагомъ людей и всѣхъ низшихъ существъ шворенія, бродишь по долинь во всякое время, но особенно въ полдень и въ полночь, и дѣлаешь всякое зло, какое шолько находишь въ его власши, а если кому не можешь повредишь, шѣхъ поражаешь ужасомъ.

Гленоркійскій священникъ всегда явно говорилъ прошивъ сихъ суевѣрій, по справедливости считааемыхъ имъ остатками шемныхъ временъ папизма, а можешь бышь и язычесшва, и незаслуживающими ни вниманія, ни вѣры Христіанъ вѣка просвѣщен-

наго. Некоторые из жителей его прихода, наиболее къ нему приверженные, выговаривали ему за дерзость, съ какою противился онъ древнимъ повѣрьямъ опцевъ ихъ, и хотя уважали нравственную отважность своего пастыря, но не могли не изъявлять ему страховъ своихъ, чтобъ когда нибудь не случался онъ жертвою своего неблагоприятія. Они опасались, чтобъ его не изрубили въ куски въ долину Cloght-Dearg, или гдѣ либо изъ шѣлъ пустыхъ, населенныхъ Духами, мѣсть, въ кошорыкъ какъ бы поспавлялъ себя въ славу ходишь именно въ шѣ дни и часы, въ кошорые особенно предполагали шамъ вожденіе нечиспыхъ силъ и власть ихъ надъ людьми и всякими пварями.

Всѣ эти повѣрья пришли въ голову священника, и меланхолическая улыбка изобразилась на устахъ его, когда онъ подумалъ о несообразностяхъ напуры человеческой. „Сколько, мыслилъ онъ, есть храбрыхъ людей, кошорые, при воинственномъ звукѣ *пуброка*, бросились бы безъ всякаго страха на шпыки, прошивъ ихъ устремленные, какъ дикій волъ бросается на врага своего, и шѣ же самые люди не дерзають пуспишься на шѣ мечшательные ужасы, въ кошорые человекъ крошкій, неопшчающійся

крѣпостию мышцъ, вѣдешся шеперь безъ малѣйшаго опасенія.“

Обращая взоры свои вокругъ себя, въ вшой пуспынной глуши, онъ не могъ не признашья въ самомъ себѣ, что нельзя было найши лучше мѣста для населенія нечиспыми духами, кошорые, какъ сказываюшь, любяшь дикость и уединеніе. Долина была споль узка и горы вкругъ нея споль ушесисшы, что едва нѣсколько лучей солнца могли проникать въ нее и отражашья въ маленькомъ ручейкѣ, прошекающемъ посреди сего ущелья, большею частію въ безмолвіи, но иногда съ унылымъ ропосомъ въ борьбѣ прошивъ огромныхъ каменьевъ, кошорые какъ бы нарочно пресѣкали ему пушь. Зимую, или въ дождливое время года, вшопъ ручеекъ обращался въ пѣнисшую, сердисшую рѣку, обширности необьяшной, и тогда-то опшоргалъ онъ шѣ огромныя массы камня, кошорыя, лежаь въ долинь, прикрывали собою, лѣшомъ, его печеніе и какъ бы гошovy были совершенно пресѣчь его. — „Безъ сомнѣнія“ — подумалъ священникъ: „вшопъ самый ручей, низвергающійся съ горы, и причинялъ, во время паденія воды или въ бурю, всѣ шѣ бѣдствія, кошорыя народъ приписываетъ Красному

Плащу, потому именно, что они случались въ долинь, носящей это имя.“

Въ эту самую минушу, какъ на умъ его вершлась эта мысль, услышалъ онъ женскій голосъ, кричащій дико и пронзительно: „Михаилъ Тири! Михаилъ Тири!“ Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя съ удивленіемъ и даже съ робостію. Ему показалось, что злой духъ, котораго существованіе онъ отвергалъ, явился и накинулся его за невѣріе. Но эта робость была минутная и не помѣшала ему спросить твердымъ голосомъ: „Кто зоветъ меня? гдѣ ты?“

— „Та зоветъ, которая бредетъ въ нищету и полумертвая.“ — отвѣчалъ голосъ, и при сихъ словахъ высокая женщина явилась изъ-за камней, скрывавшихъ ее отъ взора священникова. По мѣрѣ того, какъ приближалась она, по ея шарпану, почти совершенно красному, по высокому ея росту, по медлишезной поступи, морщинамъ на лицѣ и сверкающимъ изъ-подъ густыхъ бровей звѣрскимъ глазамъ, легко можно было принять ее за духа, котораго именемъ названа долина. Однако Г. Тири узналъ въ ней потчасъ женщину Древа, вдову Макъ-Тавишь-Мора, мать несчастнаго Гамишь-Бена. Не знаю, не легче ли было бы пастырю встрѣтить самаго Краснаго Плаща,

нежели увидѣшь. внезапно Эльоду, при мы-
сляхъ объ ея пресупуденіи. Какъ бы да-
дуя, испанкшу, удержала она свою лошадь
и: оспанаовидся, чинобы собраться съ ду-
хонь, пока не подошла она къ нему близко.

— „Микандъ Тири“ — сказала она;
„глупые люди Клакана (*) сядиашъ ше-
бя богомъ; будь моимъ богомъ, и скажи мнѣ,
что сынъ мой живъ. Скажи мнѣ это, и я
посажду моему неновѣданію. Я преклоню
колено въ седьмой день передъ каменнымъ
домомъ, и швай Богъ будещъ идомъ Богда.“

„Несчастливая!“ ошвннала священникъ;
„человкъ не заключаешъ условій съ Твор-
цемъ своимъ, какъ бы съ подобною себѣ
шварью. Не думаешь ли шорговашься съ
швмъ, кшо сошворишь землю и всю вселен-
ную? или можешь ты предшавишь доказа-
тельства покорности и набожности, доше-
рмъ заслуживали бы этого, чинобъ удашше-
иль. Онь воззрѣши на нихъ? Онь шребуешъ
новшновенія, а не жертвы; шершннн въ пе-
ренсеніи испышаний, кась сокрушающнхъ,
а не шущихъ приношеній, какими чело-
вкъ надобриваешъ брата своего непосшо-
яннаго и, подобно ему самому, сошшавлен-

(*) То есть, деревенскіе.

наго изъ праха, чшобъ провести его и ош-
вратишь отъ приняшыхъ намѣреній.“

— „Молчи!“ ошвѣчала ошчаянная жен-
щина; „не выпаскивай мнѣ словъ изъ
швоей бѣлой книги. Родители Эльспы были
изъ числа тѣхъ, кошорые шворили крестное
знаменіе и преклоняли колѣна при звукѣ
священнаго колокола; она знаетъ, что мо-
жно очистишь передъ жертвенникомъ въ
помъ, что сдѣлано на полѣ битвы. Нѣкогда
Эльспа имѣла спада всякаго рода, имѣла
козъ на скалахъ, коровъ и овецъ въ долинь.
Нѣкогда носила она золошо вокругъ шеи и
на головъ, носила ленты споль же широ-
кія, какъ у героевъ спараго вѣка. Она бы
все уступила попу, все; и если бы пожелалъ
онъ драгоцѣнностей какой-либо знашной да-
мы, или даже споррана какого нибудь вла-
дѣльца, хошя бы споль же мощнаго, какъ былъ
самъ Макъ-Алланъ-Моръ, ему бы и шо до-
ставилъ Макъ-Тавишь-Моръ, если бы Эльспа
ему общала. Теперь Эльспа бѣдна, ей нече-
го давать; но черныи Аббашъ Иншафрейскій
вельдъ бы ей бичевать плеча розгами и раз-
диращъ подошвы въ спранничествѣ, и про-
стиль бы ей, увидя пролишую кровь и изну-
ренное тѣло. Таковы были прѣжніе священ-
ники; въ рукахъ ихъ шочно была власть и
надъ самыми сильными людьми. Слова, изъ

успѣ ихъ выходящія, угрожали великимъ землѣ, провозглашая судъ надъ ними изъ ихъ книгъ, при блескѣ ихъ свѣшальниковъ и при звукѣ ихъ священнаго колокола. Мощные люди подвергались ихъ волѣ; по слову священника, разрѣшали узы связанныхъ ими въ гнѣвъ, и выпускали безъ вреда на свободу тѣхъ, кто былъ осужденъ ими на смерть и чьей крови они жаждали. Таковы-то были тѣ сильные люди; имъ конечно ксшати было требовать оспъ бѣдниковъ кольнопреклоненія, потому что и знашныхъ они смиряли. Но что жъ вы? — передъ кѣмъ вы сильны? развѣ передъ женщинами, зараженными сумасбродствомъ, или передъ мужчинами, никогда неносившими меча? Преніе священники подобны были ручью, который въ зимнее время наводняетъ эту долину; сдвигаетъ съ мѣста огромные камни и швыряетъ ими, какъ ребенокъ швыряетъ мячомъ. Вы же? вы похожи на эшошь ручеекъ, изсохшій оспъ лѣшняго зноя, совращаемый съ пуши спволомоъ дерева и пресъкаемый глыбою земли. Горе вамъ, когда нельзя найти въ васъ никакого пособія!“

Священнику легко было догадаться, что Эльспа опрелась оспъ Римско-Католическаго исповѣданія, не приславъ ни къ какому другому, но — что она удержала еще въ памяти

нѣчто смущное и сбивчивое о томъ, какимъ образомъ ладилъ съ Римскимъ духовенствомъ посредствомъ даровъ и приношеній, а также и объ ихъ великой власти, которая, будучи подвигнута къ милостямъ, могла бы, по ея мнѣнію, даже спасти жизнь ея сына. Приведенный въ жалость ея положеніемъ и снисходя къ ея заблужденіямъ и невѣжеству, онъ ошвѣчалъ ей весьма крошечко:

„Увы! несчастная женщина! Дай Богъ, чтобы я споль же легко могъ внушить тебѣ, гдѣ должна ты искать, и гдѣ навѣрное найдешь утѣшеніе, какъ легко мнѣ увѣришь себя, что если бы Римъ и всѣ его священники были въ полной своей силѣ, то и тогда никакое покаяніе, никакіе дары не въ состояніи были бы доставить тебѣ облегченіе, или хоть немного тебя утѣшить! — Эльспа Макъ-Тавишъ, я долженъ сказать тебѣ горестныя вѣсти.“

— „Я ихъ знаю безъ тебя“ — возразила несчастная женщина: „мой сынъ осужденъ на смерть.“

„Эльспа!“ сказала священникъ: „онъ былъ осужденъ и приговоръ уже исполненъ.“

Несчастливая мать подняла глаза къ нему и испустила крикъ, споль различныхъ съ гласомъ чедовѣческимъ, что орелъ,

сившійся по поднебесью, опивчалъ на шо, какъ бы на зовъ подруги своей.

— „Невозможно!“ вскричала она потомъ: „невозможно! Люди не могутъ осуждать и убивать въ одинъ и тотъ же день. Ты меня обманываешь. Народъ называетъ тебя святымъ! — Доспадетъ ли у тебя смелости сказать матери, что она убила единственное свое дѣтище?“

„Богъ видитъ!“ — опивчалъ священникъ, заливаясь слезами: „что я желалъ бы принести тебѣ лучшаго вѣсти. Но я говорю тебѣ правду. Уши мои слышали смертельный выстрѣлъ, глаза мои видѣли смерть, видѣли погребеніе моего сына. Уши мои свидѣтельствуютъ о томъ, что видѣли глаза и слышали уши.“

Жалкая Эльса спала ломать себѣ руки и выгибала ихъ, поднимая къ небу, какъ Сибилла, провозглашающая войну и гибель, и въ то же время въ бѣшенствѣ ужасномъ, но бессильномъ, изрыгала пошоломъ проклятія, самыя жесточайшія. — „Подлый, скаредный Саксонецъ!“ вопила она: „низкій обманщикъ! пускай же глаза, кошорые хладнокровно смотрѣли на смерть моего бѣлоручаго Гамиша, лопнутъ отъ слезъ по ближайшихъ твоихъ родственникахъ и друзьяхъ! Пускай уши, слышавшія ударъ кончи-

ны его, останушся нечувствительным ко всякому звуку, кромѣ крика врановъ и шипѣнія змѣй! Пускай языкъ, кошорый говоритъ мнѣ о его смерти и о моемъ злодѣйствѣ, высохнетъ въ швоей горшани! — Или лучше, когда ты будешь на молитвѣ съ швоимъ народомъ, пускай злой духъ руководствуешь, имъ и въшшо моленій, влагаетъ въ уста его богохульство, до шѣхъ поръ, пока люди не добѣгутъ отъ шебя съ шрепетомъ, и пока небесная молнія, направленная на швою голову, не поразитъ ея и не оставитъ навсегда проклятаго языка швоего! Прочь съ глазъ моихъ! Да послѣдуешь за шобою эшо проклятіе! — Никогда, никогда уже Эльса не попрашитъ сколько словъ для швари, называемой чедѣшкомъ!“

Она сдержала обѣщаніе. — Съ эшого же дня свѣтъ свѣтался для нея пустынею, и она жила безъ всякаго участія въ шомъ, что ее окружало, ни о чемъ не заботясь, ни о чемъ не думая, погруженная единственна въ самое себя, равнодушная ко всему, кромѣ своей печали.

Образъ жизни ея, или лучше существованія, уже извѣстенъ читателю; о смерти ея не могу я сказать ничего. Полагаюшъ, что она умерла нѣсколько лѣтъ спустя

послѣ того, какъ обратила на себя вниманіе моею почтенной пріятельницы, Миссрисъ Бешуны Баліоль, которая, не довольствуясь безплоднымъ соболѣзнованіемъ, когда можно было оказать благошвореніе, старалась всячески облегчить участь сей несчастной женщины. Но все, что удалось ей сдѣлать, заключалось въ постоянномъ доспавленіи ей средствъ къ пропитанію, хоша и къ тому Эльспа оставалась совершенно равнодушна. Нѣсколько разъ покушались помѣстить кого нибудь въ ея хижинѣ, чтобъ имѣть о ней попеченіе, но никогда не могли въ томъ успѣть; препятствіемъ тому были и досада, какую оказывала она ко всему, что нарушало ея уединеніе, и робость людей, которыхъ назначали для жишья съ ужасною женщиной Дрэва. Наконецъ, когда Эльспа сдѣлалась совершенно неспособна (по крайней мѣрѣ по наружности) повершывавшаяся на плохой скамьѣ, служившей для нея постелью, преемникъ Г. Тири, изъ человеколюбія, послалъ къ ней двухъ женщинъ, чтобъ имѣли о ней попеченіе въ послѣдніи минушы ея, уже близкія, какъ полагаали, и чтобъ не погибла она отъ недоспашка пособія или пищи, прежде нежели старосшь и болѣзнь сведущъ ее въ могилу.

Вечеромъ, въ Ноябрь мѣсяцѣ, назначенныя двѣ женщины пришли въ лачугу, кошорая была описана вѣше. Несчастливая ея обитательница лежала на одрѣ своемъ, уже во всемъ подобная безчувственному шрупу, кромѣ того, что черные глаза ея страшно крупились и сверкали, какъ бы съ изумленіемъ и досадою на такое неожиданное и неприятное посѣщеніе. Женщины испугались ея взглядовъ, но успокоивая другъ друга, онѣ развели огонь, зажгли свѣчу, приготоили пищу, и сдѣлали все, чего требовала возложенная на нихъ обязанность. Между собою условились онѣ сидѣть попеременно у постели больной; однако въ полночь, побѣжденныя усталостью опѣ дневныхъ трудовъ и большой ходьбы, онѣ обѣ уснули крѣпкимъ сномъ. Когда же, черезъ нѣсколько часовъ, проснулись, то вскорѣ удостоверились, что кромѣ нихъ нѣтъ никого въ хижинѣ, и больная скрылась. Съ ужасомъ вскочили онѣ и бросились къ двери, но увидѣли, что она заперта задвижкой, какъ было съ вечера. Тутъ сжали онѣ, въ пошмахъ, ощупывашъ по всѣмъ угламъ, и кликали по имени шу, кошорая была ввѣрена ихъ попеченію. Ночной коршунъ кричалъ на вершинѣ спараго дуба, лисица выла на холмѣ; имъ вшорили опшывы падающаго

вдали попока, но нигдѣ не было слышно голоса человѣческаго. Испуганныя женщины не смѣли дѣлать до утра дальнѣйшихъ поисковъ: для нихъ довольно было и того ужаса, что сподѣла слабая женщина внезапно исчезла. Никакъ не рѣшились онѣ переступить за порогъ, а сидѣли полумертвыя въ хижинѣ, прислушиваясь къ каждому звуку, и то казалось имъ, что слышатъ голосъ ушедшей старухи; то какъ бы какіе чудные отголоски примѣшивались къ завываніямъ ночнаго вѣтра и къ шуму водопада; то вдругъ оная задвижка начинала шевелиться, какъ бы оная прикосновенія слабой руки, напрасно покушающейся одернуть ее, и съ каждымъ мгновеніемъ ожидали онѣ, что явится снова ужасная старуха, и можешь быть не одна, а въ сопровожденіи какихъ нибудь существъ, столь же страшныхъ, какъ она сама. Наконецъ разсвѣло. Тщательно обѣгали онѣ всѣ кусты, пригорки и овраги. Часа два спустился пришелъ священникъ, и услышавъ о такой странности, приказалъ созвать людей и снова обыскать хорошенько всѣ закоулки по близости оной хижины и дуба. Все было напрасно. Эльфы не нашли ни живой, ни мертвой, и въ послѣдствіи никогда не было открыто ни ма-

дѣйшаго обстоятельства, по которому бы можно было заключить объ ея участи.

Сосѣдніе жители думали разное о томъ, куда она дѣлась. Легковѣрнѣйшіе полагали, что злой духъ, которому она всегда повиновалась, унесъ и плоть и душу ея; и есть еще люди, которые ни за что не пойдутъ въ урочный часъ мимо дуба, подъ которымъ, какъ увѣряютъ они, все еще сидитъ она по своему обычаю. Другіе, не столько суевѣрные, думали, что если бы возможно было проникнуть въ бездну Корри-Дускую, въ глубину озера или на дно рѣки, то вѣрно нашелся бы шрупъ Эльсы Макъ-Тавишъ, и что когда разсудишь, въ какомъ положеніи были шло ея и разумъ, ничего нѣтъ естественнѣе той мысли, что она или упала случайно, или бросилась въ какое нибудь изъ сихъ разрушительныхъ мѣстъ. Священникъ думалъ по-своему. Онъ полагалъ, что не могли снести присущствія присланныхъ къ ней двухъ женщинъ, она, по тому же инстинкту, который свойственъ разнымъ домашнимъ животнымъ, удалилась отъ собственного своего племени въ какую нибудь заглохшую пещеру, чтобы испустить духъ свой тамъ, гдѣ безъ сомнѣнія ни одинъ взоръ смертнаго не могъ на ней остановиться. Ему казалось, что такое чувствованіе инстинк-

ша согласно было и съ прежнею жизнію сей несчастной женщины, а шѣмъ еще болѣе могло оно дѣйствовать въ ней при ея кончинѣ.

II.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

I.

РАЗМЫШЛЕНІЯ О ВОЙНѢ 1812 ГОДА, ПО ПРОЧИТАНІИ РАЗНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И ПО СООБРАЖЕНІИ РАЗЛИЧНЫХЪ СУЖДЕНІЙ ОВЪ ОНОЙ.

(Окончаніе.)

Россійскій Полководецъ принялъ прошивъ Наполеона систему осторожности, подобно, какъ Фабій прошивъ Аннибала. Ему шла о спасеніи ошечества, а не о блескѣ собственнаго честолюбія. Поелику по времени года и по сближенію въ тылу Наполеона второстепенныхъ Россійскихъ армій, Кушуровъ разсчелъ, что непріятельскія силы, прежде нежели дойдуть до границы, будутъ истреблены, шо и дочишалъ уже

излишнимъ и неумѣстнымъ всякое напряженіе, хотя по видимому могущее прислѣшши какой частный успѣхъ, но вмѣстѣ стоящее жизни, или здоровья воиновъ, а иногда могущее, по какому непредвидимому приключенію, навлечь несчастіе, коему всякая рѣшительная бѣсва подвержена и при благопріятнѣйшихъ обстоятельсвахъ. — Обдуманность и осторожность были главными чертами характера и генія Кушужева. Безъ необходимости не пускался на удачу. Онъ болѣею частію билъ непріятеля, такъ сказашъ, не руками, а хитростію и позиціями, заставляя его самого себя испребляшъ. Ежели бы онъ поступалъ иначе, то поступалъ бы несообразно съ своимъ геніемъ, копорый былъ совершенно пропиво-положенъ генію Наполеона. Сей подобенъ былъ нечаянному, быспрому наводненію, срывающему вдругъ съ шумомъ мосты и плошины; другой былъ подобенъ тихой, глубокой рѣкѣ, подкапывающей непримѣнно основаніе плошинъ, копоры послѣ сами обрушашъ опрокидывающся. Кушужевъ подъ Краснымъ зналъ, что онъ опередилъ Наполеона, но зналъ также характеръ своего соперника, и какія чудеса можешъ произвести опчаяніе. Остановленный Наполеонъ вѣрно бы не положилъ оружія. Имѣя тогда

въ шѣхъ мѣстахъ еще болѣе 60,000 войска, чего бы не испыталъ для своего спасенія? Произшла бы самая ужасная бишва. Чѣмъ бы она кончилась? — Совершенное истребленіе его съ цѣлымъ войскомъ быдо бы собышіе менѣе всего вѣроятное. За шѣмъ, оставалось только предполагашь, что онъ принужденъ бы былъ купить себѣ дорогу пощерею большей части своего войска; за то сколько бы потеряла и Россійская армія! Но если бѣ, сверхъ чаянія, приключился какой непредвидѣнный случай, который бы еще рѣшилъ дѣло въ его пользу, каковыя неожиданности нерѣдко бывающъ на войнѣ: тогда бы разрушиться могъ и весь планъ кампаніи. Въ Исторіи есть много примѣровъ подобныхъ приключеній; въ наше время можно за шакое почестъ пагубное для Наполеона Кульмское дѣло. — И шакъ, соображая, что силы Наполеона еще значительны, что онъ самъ шолъ цѣлой арміи, и что неудача могла бы навлечь опасностъ для всей Россіи; съ другой же стороны, предвидя совершенную вѣроятностъ, что Наполеоновы войска, пока дойдутъ до границы, будутъ истреблены, Кушуровъ, кажешся, справедливо оставался при своей системѣ ошорожности. Сначала подъ Краснымъ пропустилъ Наполеона съ частію

войскъ , не дала ему пренятствія; чрезъ что шамония его армія раздѣлялась на двое , и естественнo въ каждой порознь части сдѣлалась слабѣе. Предвидя , что Наполеонъ , приведенный въ личную безопасность , болѣе не спаненъ съ опчаяніемъ бросаешь назадъ , на помощь сдѣловавшимъ за нимъ войскамъ своимъ , Кушувовъ случашею вѣрностію поражаъ проходившіе послѣ за Наполеономъ корпуса Вице-Короля и Даву , кои купили свой пропускъ пошерю болѣеи части своихъ войскъ , всей почти артиллеріи и обозовъ ; корпусъ же Ней , послѣдній и совершенно для Русскихъ безопасный , опшрзала и уничтожилъ такъ , что самъ Ней едва спасся. Такииъ образомъ Россійскій Полководецъ , воздержавъ Наполеона отъ мъръ опчаянныхъ , частными , но вѣрными пораженіями нанесъ ему подъ Краснымъ болѣе испребленія , нежели бы могъ нанести въ двухъ регулярныхъ , для Наполеона несчастныхъ сраженіяхъ , не подвергая при томъ своихъ войскъ ни опасностямъ , ни же потерямъ.

Кушувовъ подъ Краснымъ шѣмъ менѣе имѣлъ причины употреблять крайности , что пригошовлено было Наполеону вшоричное поражение при переходѣ черезъ Березину ; щадилъ же войска свои сколько по

долгу человечества, столько и по благо-
 разумію; ибо и Россійская армія, опъ бы-
 спраго преслѣдованія непріятеля, шожешере-
 ряла множештво людей, выбывшихъ изъ
 строя; слѣдовашельно: было бы не у мѣсна
 умножашъ ихъ пошерю хвасшлавными аша-
 ками и безъ шого гибнувшого непріятеля.
 Напрошивъ, спарался всѣми мѣрами: беречь
 жизнь и здоровье солдашъ, зная, что чѣмъ
 сильнѣе Россійская армія, шѣмъ успѣхъ ея
 вѣрнѣе при всякихъ могущихъ предспавишъ-
 ся обстояшельшвахъ. Для шого-шо онъ
 часшо и держалъ дневки, за что шакже нѣ-
 кошорые азардники его порицаюшъ, полага-
 гая, что ему надлежало бы гнашъся спрем-
 гавъ, не щадя никакихъ пожершвованій. —
 Послѣдшвіе оправдало дѣйшвіа Кушшзуова,
 не споль шумныа, но за шо вѣршвшія.

Въ какомъ положеніи Наполеонъ бѣжалъ
 опъ Краснаго, и чего спомилъ ему переходъ
 черезъ Березину, — всѣмъ извѣшно; равно
 извѣшно и шо, что до Россійской границы
 послѣдовало совершенное уничтоженіе его
 армій. Нѣкошорые чернильные богашыри и
 шѣмъ не довольны, ушверждаа, что если бы
 послушлено было по *ихнему*, Наполеонъ не
 избѣгнулъ бы пѣвна. Скольш имъ вѣршшь
 можно, ссылаюсь на Ишорію Бушурлина,
 гдѣ объяснено, что шогдашнія двшженія Рос-

сійскихъ [армій имѣли въ виду не столько падѣніе Наполеона (возможность чего была всегда сомнительна), сколько пресѣченіе ему сообщенія съ корпусами Шварценберга и Макдональда.

З а к л ю ч е н і е.

Разсмотримъ въ совокупности ходъ войны 1812 года съ ея началомъ и послѣдствіями.

Наполеонъ хотѣлъ покорить Россію; Россія прошивоборствовала. Онъ имѣлъ по собіа всей почти Европы; Россія только свои. Россійскій Государь, узнавши неравенство силъ военныхъ, открываешь своему народу угрожающую опасность, призываетъ его къ оборонѣ и предоставляетъ Провидѣнію рѣшить задачу: *Россія въ нынѣшнемъ ея положеніи достойна ли быть въ Европѣ первостепенною, независимою Державою?* Что Наполеонъ также не пренебрегалъ ея силами, это доказываютъ его преогромныя пригововленія.

Не будемъ терять времени подробно-стями на счетъ частныхъ ошибокъ, какія могли произойти съ той и съ другой стороны, и коихъ никакъ избѣгать не можешь, съ шюю только разницею, что одинъ дѣ-

лаешь ихъ болѣе, другой менѣе, одинъ способнѣе другого исправляешь оныя. Наше вниманіе обращено на главныя черты сей достопамятной кампаніи.

Что такое значилъ Наполеонъ до кампаніи 1812 года? что тогда значили его арміи? видѣшь ихъ и не бышь мгновенно уничтоженнымъ, казалось уже дѣломъ необычайнымъ. Сей то Наполеонъ и сіи-то арміи открывающъ походъ противъ Россіи; вся Европа обрашала на то взоры. По примѣру прежнихъ кампаній, ожидали на границѣ роковаго сраженія, долженствующаго рѣшить судьбу Сѣвера, и можешь бышь, всего Свѣта. Наполеонъ переходилъ черезъ Нѣманъ, но сраженія не было; Россійскія арміи безъ сопротивленія опшсупающъ; Европа въ изумленіи! Россійскіе полководцы, разсчитывая превосходство силъ непріятеля, уклонялись отъ рѣшительнаго сраженія, и прибѣгали ко внутреннимъ силамъ Россіи. — Но какъ долго надлежало опшсупашъ, и до котораго пункта? — Сіе трудно было предваришельно произнести. Геній Русскаго народа, шеченіе дѣлъ и благоразуміе военачальниковъ должныствовали указать черту остановки и мѣру пожертвованій — тамъ, гдѣ силы Наполеона, истощенныя частными сраженіями, походами и недоспашками, потеряющъ

свое превосходство, — тамъ, гдѣ опасно-
стию развернувшіяся внутреннія силы Рос-
сиі воспримуть зрѣлое дѣйствіе, — тамъ
остановишься опшупленіе Россійской ар-
міи, и рѣшился участь Россіи, Наполеона
и Европы. Эша черша, какъ послѣдствіе
опкрыло, была за Москвою.

Для просшаго ока, кшо на войнѣ идешь
впередъ, шопъ называется побѣдшелемъ, а
кшо опшупаешь, шого называюшь побѣ-
жденнымъ. Такимъ образомъ нѣкошорые Пи-
сашели опшупленіе Русскихъ до Москвы
называютъ пораженіями, а слѣдованіе за
ними Французскихъ войскъ счишаюшь по-
бѣдами. Не знаю, правильно ли изъясняюща.
Когда цѣль Россійскихъ Генераловъ была
уходишь и уходили, кажешся, шого прои-
грышемъ назвашъ не лзя. По послѣдствію
вышло напрошивъ: шествіе Наполеона впе-
редъ, внутрь Россіи, было для него гибелью,
а опшупленіе Русскихъ было для нихъ спа-
сеніемъ. Надлежишь всю кампанію 1812 года
счишаешь за одинъ маневръ или за одно сра-
женіе, нѣскольکو мѣсяцевъ въ разныхъ на-
правленіяхъ продолжавшееся, коего харак-
теръ опредѣляется концемъ, а не частными
въ продолженіе онаго бштвами.

Посмопримъ, какимъ образомъ происхо-
дило шо преогромнѣйшее сраженіе.

Опъ границы до Вишебска особенно важнаго ничего не происходило, кромѣ того, что Наполеонъ, вшедши между двухъ Россійскихъ армій, усиливался: 1-е не допускашь имъ соединиться, и 2-е опрѣзашъ ихъ опъ Москвы; но и въ томъ и въ другомъ испышалъ неудачу. Россійскія арміи и соединились и не дали себя опрѣзашъ.

Русскіе спали встрѣчашься съ шѣми волшебными войсками, кои побѣдили Европу — подъ Полоцкомъ, подъ Вишебскомъ, подъ Смоленскомъ, но не исчезали, а боролись, даже поражали; уходили, по приказанію начальниковъ, а не бѣжали; самъ непріятель удивлялся спройности ихъ опсупленій. Французы хотя и провозглашали себя побѣдителями — для того, что шли впередъ (какъ выше сказано), однако въ душѣ чувствовали важность прешерпѣныхъ ими кровавыхъ оппоровъ, кои не похожи были на обыкновенные оппоры побѣжденныхъ. Часо дралися съ задними Россійскими войсками уже не сколько для уничтоженія непріятели, сколько для собственнаго спасенія. Бородинское сраженіе было кровопролитнѣйшее въ Новой Испоріи. Въ семь сраженіи Россійская армія, вмѣщавшая въ себѣ не малую часть новонабраннаго войска, цѣлый день боролась съ

далеко превосходящею ее числомъ отборною Французскою арміею, изъ однихъ старыхъ воиновъ сосшоявшею, подъ личнымъ предводительствомъ завоевателя Европы и лучшихъ его Маршаловъ и Генераловъ; — и, не смотря на все то, Россійская армія не только не пустила себя разрушиться, но еще наносила непобѣдимому доводу воинству Французскому неслыханные, прегромнѣйшіе удары, приведшіе въ препель самого Наполеона, котораго, судя по послѣдствіямъ, (если бъ смѣлъ не удержалъ его) долженъ былъ тогда же, для спасенія своей арміи, рѣшиться на опешупленіе, согласно мнѣнію храбрѣйшаго изъ его Генераловъ (*). Сіе колоссальное сраженіе, говорю, каковаго и самъ Наполеонъ еще не видалъ, доказало доброшу и Россійскаго войска и его предводителей. Вождь умѣлъ выбрать позицію, ее укрѣпить и управлялъ движеніями войскъ такъ, что выдержалъ најжеспочайшую борьбу съ первѣйшимъ въ свѣсѣ полководцемъ и первѣйшими въ свѣсѣ войсками. Предначертанный Наполеономъ планъ рушился, и сами Французы, во все продолженіе сраженія, не примѣшили ошибки со стороны Русскихъ.

(*) Маршала Нея.

Ночь прекратила сраженіе, нерѣшенное ни на ту, ни на другую сторону; съ обѣихъ сторонъ взято нѣсколько пушекъ и немного пленныхъ. Не шакого конца искалъ и желалъ Наполеонъ (*). На другой день Россійская армія предпріяла ошсупленіе, но ошсупленіе не шоропливое, а медленное; Французская за нею слѣдовала, но не наспуная, шла съ робосшію и уныніемъ. Чшо Россійская армія хорошо сдѣлала, ошсупуная, а Французская погрѣшила, идучи впередъ, што доказало послѣдствіе. Дальнѣйшія движенія Русскихъ за Москвою, выборъ Тарушинской позиціи и наконецъ предупрежденіе Наполеона подъ Малымъ Ярославцемъ служатъ новымъ доказательствомъ благоразумія Полководца. Самое сраженіе подъ Малымъ Ярославцемъ досшойно замѣчанія. Ошборнѣйшій изъ Французскихъ Полководцевъ, Евгений, съ наилучшимъ войскомъ, цѣлый день сражаешся съ Русскимъ Корпуснымъ Генераломъ Дохшуровымъ (кошорый, какъ Франгузы увѣряють, имѣлъ подъ на-

(*) Сегюръ и другіе Французскіе Писатели называютъ это побѣдою неполною. Раппъ въ своихъ Запискахъ говоритъ, что успѣхъ сраженія не сошвѣшшвовалъ пожершвованіямъ. Маршалъ Ней шогда же совѣшвовалъ решировашся.

частьствомъ однихъ рекрутъ) и цѣлый день не только не разбиваетъ соперника, но самъ претерпѣваетъ чувствительныя потери, заставивши Наполеона ошмвнншь сноль важное для него предпріятіе, итши на Калугу (*). Дальнѣйшій маршъ Россійской арміи до Краснаго снова заслуживаетъ похвалу. Сближеніе впороспешенныхъ Россійскихъ армій въ Липвѣ на встрѣчу опшсупающей большой Французской арміи, естѣ движение доспохвальное. Дипломатическія мѣры Россіи не менѣе доспойны похвалы, заключеніемъ шогда мира съ Турціею и обезпеченіемъ себя со шпороны Швеціи; каковыя-шо мѣры и подали возможность дѣлать споль важныя въ пылу большой Французской арміи диверсіи, и принудить ее къ гибельному опшсупленію. Языкъ Правительствва съ народомъ былъ самый сообразный съ его характеромъ. Чшо слово,

(*) Кажется, что Корпусъ Дохшурова не состоялъ изъ однихъ рекрутъ, но что самъ Наполеонъ шакъ разглашалъ для оправданія предвѣдущихъ своихъ объявленій, будшо бы прежними, шакъ называемыми, побѣдами ишпробилъ уже всю Россійскую армію. Ошкуда же подѣ Малымъ Ярославцемъ взялись Русскія войска? Нужда заставила сказать, что это войска новонабранныя.

шо дѣло. Обвѣщанія Россійскаго Правительсва были мужественны, не хвасптивы и не малодушны. Попомство возможенъ ихъ чинашь, не краснѣясь. Народъ оказалъ удивительный примѣръ швердоспи духа и гошовноспи на всякія пожершвованія. Вшорженіе Наполеона во глубину Россіи и всѣ соединенныя съ шѣмъ разоренія и опасноспи не убивали, а возвышали духъ народа. Во все продолженіе чрезвычайныхъ ужасовъ сей кровавой и убійшвенной войны, не было въ коренныхъ Россійскихъ губерніяхъ ни одного внушренняго безпокойсва, ни одного измѣнника.

Такимъ образомъ Россія показала, что вмѣщаешъ въ себѣ силы доспапочныя прошивушюнашь всей Европѣ; показала здравый разсудокъ въ Полишкѣ, искусство и храбросшь на войнѣ, шерпвніе въ опасносняхъ, швердосшь и ешойкосшь въ предпріятіяхъ и дѣйшвіяхъ. Полководцы ея умѣли приноравливашься къ мѣспнымъ обшюнашельсшвамъ и оними пользовашься: и проспранствомъ земли, и климашомъ, и духомъ народнымъ. Среди края, обильнѣйшаго хлѣбомъ и скошоводсшвомъ, обильнѣйшаго мѣхами и лѣсами — умѣли засшавишь неприяшеля умирашь съ голоду и холоду. Предпріятіе Наполеона оказалось

дерзкимъ, и Россія умѣла наказашь дерзость. Въ сравненіи съ полъ важною, величественною цѣлю что значашь мѣлочныя замѣчанія на счетъ Россійскихъ Подководцевъ и войска? — Замѣчанія, водимыя, можешь бышь, невѣдвіемъ или зависью. Война 1812 года сдѣлала великій переломъ въ политическомъ сосноянніи всей Европы; дальнѣйшіе походы 1813 и 1814 годовъ были уже сдѣствіями оной. Дѣйствія Россіи въ 1812 году разрушили нравственную силу Наполеона и его армій, дошолъ неодолимыхъ и спрашныхъ, показавъ, что можно съ ними бороться, что даже можно ихъ бишь; показавъ, что такое въ сосноянніи произвешти постоянство и шерьвіе при мѣрахъ благоразумныхъ. Народы, порабощенные Наполеономъ, сдѣлался смѣлѣе, шогда, какъ съ другой стороны онъ, лишасъ шѣхъ бодрыхъ войскъ, воспитанныхъ на поляхъ побѣдоносныхъ, и самъ познакомившися съ неудачами и несчастіями, спазъ уже спупашь робкими шагами. Народы шѣ, присоединяеъ къ Росскимъ силамъ, возвратили себѣ свою независимость.

Такъ, кампанія 1812 года весьма досшонамяшна и поучительна. Поучительна не шолько въ опшошеніи шехники Военнаго Искусшва (ибо шѣ самые маневры въ другой

земля, у другого народа, безъ шѣхъ средствъ, не произведущъ шѣхъ самыхъ послѣдствій: это была война не только физическая, но борьба характеровъ). Поумишельна же въ отношеніи нравственномъ, по тому *во-первыхъ*, что открыла, сколь съ политическимъ бышіемъ Россіиобразны ея образъ правленія, религія, духъ народа, его обычаи и даже нѣкоторыя предразсудки; *во вторыхъ*, что дала урокъ завоевателямъ, не пренебрегать челоуѣчествомъ. Наполеонъ ошибся не въ движеніяхъ военныхъ, а въ понятіи о Россіи. Другую погрѣшность онъ сдѣлалъ самую непрощительную, состоящую въ томъ, что поступалъ въ Россіи безчеловѣчно. Повелѣнія его при овладѣніи подорвали Кремль и сѣчь Смоленскъ, оставаясь на всегда постыдными знаками низкой злобы. Этимъ онъ ничего не выигралъ, а только раздражилъ и Русскую армию и народъ, за что послѣ и дорого заплашилъ. Великій челоуѣкъ долженъ имѣть великую душу. Императоръ Александръ ошомшилъ своимъ врагамъ благодареніями и великодушіемъ.

Вышеобъясненное показываетъ, сколь неосновательны разнесшіеся по Европѣ слухи, будто бы всему прешерпвнному Французскою арміею зло причиною была единствен-

но зима. Незнающіе дѣла сему вѣряшъ шѣтъ болѣе, что и подлинно на рѣширадѣ немало солдатъ погубило отъ холода, да и сами можешъ быть видѣли на возвращившихся изъ Россіи печали морозовъ. Однако будущіе думашъ иначе, коль скоро себя припомнимъ, что Русская зима сколько же была извѣстна Наполеону, сколько и средствъ, коими самъ защищающа отъ оной. Но сими средствами владѣешъ сколько побѣдителей. Зима сама по себѣ не помѣшала бы Наполеону остаться въ Россіи, если бы не стояла предъ нимъ опасная для него главная Россійская армія, и не зашли къ нему въ тылъ второспешенныя, какъ то выше подробно изъяснено. Впрочемъ на рѣширадѣ шерпѣли его войска изнеможеніе не столько отъ холоду, ибо до самой Березины погода была не шакъ еще дурна, и при всѣхъ переправахъ чрезъ рѣки надобно было наводить мосты, знакъ, что еще не было крѣпкихъ морозовъ; да и солдатъ, не менѣе и его конь, можешъ снести холодъ, коль скоро во время подкрѣпляешся пищею, пишемъ и нужнымъ послѣ трудовъ отдыхомъ. Но безпреспаннныя форсированныя марши по истощеннымъ дорогамъ, безъ продовольствія и отдыха, при безпреспаннныхъ кровопролитныхъ битвахъ, были при-

чиною, что люди изнурялись и теряли телесныя и душевыя силы; гибли лошади и скотъ, для продовольствія назначенный; войско оставалось безъ конницы и артиллеріи. Не мудрено, что при такомъ положеніи многіе, лишась силъ, и отъ холода умирали. Но для чего Наполеонъ не атаковалъ, не разрушилъ арміи Кутузова? для чего опшупалъ форсированными маршами, и къ тому еще по дорогамъ разореннымъ? Тому были причиною распоряженія Русскихъ Полководцевъ и дѣйствія Русскихъ войскъ, между коими Наполеонъ, отъ Малаго Ярославца до границы, промчавшись какъ бы сквозь строй, расперялъ свои арміи, и самъ едва спасся. И такъ прешерпѣнные Французскими войсками голодъ и холодъ были не причинами, но послѣдствіями военныхъ движеній, были не главными, но причастными орудіями къ испребленію Наполеоновыхъ силъ, произведенному мечемъ и огнемъ войскъ Россійскихъ.

Нѣкошорые Французскіе повѣспововашели сего похода, привсемъ спараніи казашся безприсшрасшными, не могушь однако избѣгашъ часшыхъ, невольныхъ порывовъ скорби народнаго самолюбія; часшо вырывающся у нихъ на счешъ Русскихъ колкошши; дѣйствія Французовъ по бѣльшей ча-

спи съ излишествомъ превозносяшь, и даже при неудачахъ находяшь въ нихъ какія-то черпы героизма, безъ кошораго-де могло бы еще хуже бышь; говоря же про успѣхи Русскихъ, всегда находяшь въ нихъ какіе-то пороки, говоря, что можно бы было еще лучше сдѣлать. Особенно этими упреками часно подчиваюшь Купузова, кошораго — какъ бы въ опмщеніе за прешерпѣнное чрезъ него зло — называюшь по хипрецомъ, по слабымъ, лѣнливымъ спарцемъ (*). Когда гдѣ Французскій повѣствователь начинаеть распрспраняеться подробностями о прешерпѣнныхъ его единоземцами изнуреніяхъ, эшо знакъ, что вскорѣ настунаеть описаніе какого ихъ пораженія, кошорое хотяпъ закрасить такимъ предвареніемъ, оправдывающимъ неудачу Французовъ, безъ оскорбленія ихъ самолюбія насчешъ храбрости и военнаго искусства. Даже повѣствователи другихъ народовъ, кошорымъ успѣхи Россіи послужили въ пользу, не совсѣмъ свободны ошь предразсуд-

(*) Забывая, или не зная шого, что самъ Наполеонъ отдавалъ ему полную справедливостъ, а также въ Бунцау, касательно сооруженія ему монумента, какъ по свидѣтельствуешь достовернѣйшіи изъ Французскихъ Писателей, Баронъ Фейъ.

ковъ прошивъ Русскихъ , будучи огорченны
мыслию : для чего *мы* не успоили прошивъ
Наполеона ? Уже ли Русскіе насъ храбрѣе ,
умнѣе ? — И пакъ почши всѣ шеперешніа
сочиненія о сей кампаніи наполнены , болѣе
или менѣе , предубѣжденіемъ прошивъ наро-
да , внезапно всступившаго на первую сте-
пень . — Предъ кампаніей 1812 года малѣй-
шую удачу прошивъ Наполеона считали за
чрезъестественное чудо ; а шеперь , когда
страхъ прошелъ , шолкуюшь объ немъ , какъ
бы о Генералѣ обыкновенномъ , и даже опо-
рочиваюшь его побѣдителейъ шѣмъ , что
будшо бы могли лучше сдѣлать . Такъ-шо
люди забывчивы ! Такъ велика сила предраз-
судковъ ! Со всѣмъ шѣмъ надлежитъ ихъ
благодарить и за то , что хотія въ поло-
вину отскрыли правду , иначе нельзя бы бы-
ло многимъ за границею выбить изъ голо-
вы мнѣнія , будшо бы единственно съверный
вѣспрь рѣшилъ эшу кампанію , можетъ бышь ,
наиважнѣйшую для цѣлаго свѣша .

Надобно полагаать , что позднѣйшіе Ис-
шорики лучше будушь судить о сей кам-
паніи .

Журналъ Англійскаго офицера, вышедшаго военнопленнымъ въ Парижъ, въ первые четыре мѣсяца 1814 года.

(Окончаніе.)

На Монмартрѣ всего навсѣ было восемь артиллерійскихъ орудій (6 пушекъ и 2 гаубицы), хотя оныхъ спояло болѣе сотни на Марсовомъ полѣ, безъ всякаго употребленія. Башарей о 28 пушкахъ была построена, по приказу Генерала д'Абовилля, на Венсенской дорогѣ, подлѣ входа въ лѣсъ. Ею командовалъ Маіоръ Эвель; орудія направляли на ней артиллеристы старой гвардіи, а службу исправляли пишомцы Политехнической школы, которыхъ было на этомъ мѣстѣ двѣсти семьдесятъ шесть человекъ. Въ 11 часовъ, союзная конница на скакала на сію башарей; какъ находившіеся на ней не имѣли при себѣ для защиты оной пѣхотныхъ войскъ, то принуждены были бѣжать; но ни лошади ихъ, ни сами вздоки не имѣли еще навыка къ сей службѣ, и потому они не могли увезти съ собою орудій. Они ушли подъ защитою двухъ башарей, поставленныхъ подлѣ заставы Трона (b. de Trône); одна изъ нихъ, о ше-

ещи орудіяхъ, была управляема конными артиллеристами, а другая морскими. Сіи башшарей стрѣляли каршечью, и какъ въ шожее время опрядъ кирасировъ сдѣлалъ нашіскъ на союзниковъ, шо пишомцы Политехнической школы успѣли забрать свои орудія и присоединить ихъ къ шѣмъ, кои шюпали у засшавы Трона. Они стрѣляли каршечью во весь ошашокъ дня, и шолько въ 10 часовъ вечера узнали о капишуляціи, когда имъ сказано было, чшобъ они шли обратшо въ школу. Въ ночи имъ велѣно было опшправиться въ Фоншенебло, но шолько прешъ изъ нихъ повиновалась: прочіе ушли и ошпались у своихъ родныхъ или знакомыхъ въ Парижѣ. Въ Фоншенебло ихъ хотѣли включить въ линейное войско; но Г. Дюриванъ, Инспекторъ ихъ по часши Наукъ, вопрошивилъ шому, предъявя Императорское повелѣніе, въ силу коего пишомцы сіи, въ случаѣ, когда бъ они принуждены были ошпавить школу, долженшвовали бышъ опшправлены на Реннъ, чшо въ Брешани. Въ слѣдшвіе сего, онъ опшправился съ ними въ Орлеанъ, и шакимъ образомъ успѣлъ ихъ спасти.

Во время сраженія, шешшдесять изъ сихъ молодыхъ людей ошпавались въ школѣ, ожидая повелѣній. Прочіе возвратились 29

числа ввечеру, пробывъ цѣлый день на службѣ. Въ Парижѣ разсѣяли слухъ, что пушки, изъ кошорыхъ стрѣляли пишомцы Политехнической школы, принуждены были прекрашншь пальбу слишкомъ на два часа, за неимѣнемъ боевыхъ снарядовъ. Эшошь слухъ не вѣренъ: но многіе зарядные ящики начинены были зарядами не по калибру пушекъ, а крупнѣе онаго. „Эшо,“ сказала мнѣ Аншуанъ Лебрѣнь, сообщившій мнѣ сіи подробности о подвигахъ своихъ соучениковъ: „должно приписать только поспѣшности, съ каковою наполняли зарядные ящики.“

Оспряды національной гвардіи, ходившіе стрѣлками на Сень-Денисскую равнину, ни сколько къ шому не были принуждаемы. Въ шри четверти шрешьяго часа, Г. Ф. видѣлъ значительный корпусъ конницы, прискакавшій въ Парижъ улицею Рошешуаръ, и, казалось, бѣжавшій съ поля сраженія. Въ шри часа, Г. В. видѣлъ артиллерію, кошорую гнали до засшавы Рошешуарской, а въ чешыре часа, множество кавалеристовъ въ безпорядкѣ разсыпалось по улицѣ. Вечеромъ, двое конскриптовъ посшавлены были на часахъ у засшавы, чшобы не допускашь къ оной жишелей. По концамъ линіи, пальба прекрашилась не прежде шести часовъ

вечера. Въ четверть четвертаго, Миссъ М. видѣла изъ своихъ оконъ, въ улицъ Шароннъ (Charonne), какъ Французская конница вскачь спустилась съ высоты Сень-Шомонъ, кошорую занимала она во все утро. Вслѣдъ за нею появилась на высоту конница союзныхъ войскъ и въ гораздо значительнѣйшемъ числѣ. Спусти нѣсколько минутъ, Миссъ М. видѣла, какъ національная гвардія оставила кладбище отца Ла-Шеза, откуда она спрѣлала сквозь щели, пробитыя въ стѣнѣ. За четверть часа до того, нѣкоторое число конницы проскакало по улицъ Шароннъ въ величайшемъ замѣшательствѣ. Передъ ними неся отрядъ артиллеріи, убѣжавшій изъ Лавильешта; онъ принужденъ былъ обойти кругомъ стѣны, пошому что не могъ пробраться въ городъ другими засадами. Въ четверть часа, Императоръ Всероссійскій и Король Прусскій, съ Княземъ Шварценбергомъ, прибыли на высоту С. Шомонъ. Съ наступленіемъ ночи, высота сія со всѣхъ сторонъ покрывалась огнями биваковъ.

Сторона Менильмонтана, лежащая къ югу, занята была въ 4 часа союзниками. Ресшораторъ Лефевръ рассказывалъ мнѣ, что Французскіе драгуны весь день прятались у него на дворѣ, чтобы не сражались.

Союзники были двукратно отражены при Бельвилль. Одинъ Полковникъ, служившій при Главномъ Штабѣ Князя Шварценберга, сказывалъ мнѣ, что они потеряли 6,000 человекъ. Уронъ Французовъ простирался до 3,000. Кромѣ того, убито было 60 человекъ національной гвардіи, а 150 ч. ранено. Между убитыми находился Фицъ-Жемсъ, славный чревовѣщатель, содержавшій кофейный домъ въ Пале-Рояль. Королевско-Прусская гвардія потеряла много людей. 570 Прусскихъ офицеровъ были убиты или ранены.

Въ половинѣ вѣчера возвѣщено было въ Люксамбургскомъ дворцѣ, что Король Прусскій и Главный его Штабъ взяты въ плѣнъ. Это былъ условный знакъ для отъезда жены Короля Юсефа; она поспѣла въ карету и отправилась въ Блуа.

Г. Фридрихъ Кюве былъ 30 числа на службѣ, какъ ратникъ національной гвардіи, у Гобленской заставы. Во время сраженія, офицеры линейныхъ полковъ обошли баштареи, и объявили споявшимъ на нихъ солдатамъ, что Императоръ прибылъ въ Парижъ, и принялъ начальство надъ войсками. Въ пять часовъ они подошли снова и сказали, что непріятель отраженъ и что Король Прусскій взятъ въ плѣнъ. Но въ

семь часовъ вечера, войска начали выходитьъ изъ Парижа, и сіе продолжалось цѣлую ночь. Войска были въ великомъ уныніи; солдаты и нижнихъ чиновъ офицеры, копорыхъ мы раскрашивали, приписывали всѣ свои неудачи измѣнѣ.

Всѣ городовые архитекторы собраны были въ Полицейской Префектурѣ, по приказанію Префекта, дабы шопъ же часъ принявъ мѣры прошивъ несчастныхъ случаевъ, могшихъ послѣдовать опъ разрыва бомбъ. Въ десяшь часовъ ушра, слѣдующее воззваніе къ народнымъ спраснямъ было принесено изъ типографіи въ канцелярію Префектуры. Полицейскіе присхавы были разосланы по разнымъ часнямъ города для раздачи сего воззванія; но едва начали оную производить, какъ получили приказъ итши назадъ. Даже ошобрали сію прокламацію у шѣхъ, кои оную получили, и сожгли весь несчастный заводъ ея въ канцеляріи 1-го Ошдѣленія. Я видѣлъ всего на все шолько одинъ экземпляръ оной; онъ напечатанъ былъ на обвихъ споронахъ лисшка, формашомъ въ 12 долю:

„Допушимъ ли мы себя ограбишь! Допушимъ ли мы себя сжечь!

„Тогда какъ Имперашоръ идешь въ шхлу неприяшеля, двадцашъ пшшь или шридцашъ шхсять человекъ, предводимыхъ дерз-

кимъ паршизаномъ, осмѣливающся грозить нашимъ засавамъ. Могущъ ли они испугашь 500,000 жителей, кои гошovy ихъ испребишь! Сей опрядъ знаешь, что силы его не доспало бы къ шому, чшобъ удержашь въ Парижъ; онъ хочешъ шолько сдѣлашь набѣгъ. Какъ ему не долго бѣ было оставашься у насъ, шо онъ успѣшилъ бы насъ ограбишь, нахвашь у насъ золоша и добычь; и когда бы побѣдоносная армія принудила его бѣжашь изъ сподицы, шо онъ вышель бы изъ нея подъ заревомъ причинныхъ имъ пожаровъ.

„Нѣшъ! мы не допустимъ себя ограбишь! мы не допустимъ себя сжечь! Спанемъ защищашь свое имущество, своихъ женъ и дѣшей, и дадимъ время храброму нашему воинству прійши для испребленія, подъ нашими стѣнами, варваровъ, кои пришли ихъ низпровергнушь! Ополчимся швердою рѣшимостию побѣдишь ихъ, и они не посмѣюшь на насъ напасъ! Сподица наша будетъ гробомъ шѣхъ полчищъ, кои дерзнушь осаждашь враша ея. Лицемъ къ лицу врага, мы имѣемъ значительное войско; имъ предводительствуюшь Полководцы искусные и неуспрашимые; должно шолько вспомошествовашь имъ.

„У насъ есть пушки, шпыки, пики, желъзо. Наши предмѣстія, улицы, дома — все можешь служить къ нашей защитѣ. Обнесемъ, если нужно, рогатками: вывеземъ на улицу наши акипаки и все, что можешь заградить гужи; поставимъ зубцы на стѣнахъ, окопаемся рвами, внесемъ во всея улицы нашихъ домовъ камни съ уличной мостовой — и неприятели ошступятся со страхомъ.

„Пусть вообразаетъ себя войско, пытающееся пройти однимъ изъ нашихъ предмѣстій среди такихъ преградъ, подъ перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ, изъ всехъ домовъ, подъ камнями и бревнами, бросаемыми изъ всехъ оконъ! Сие войско будетъ истреблено прежде, нежели дойдетъ до среды Парижа. Но итъ! Зрѣлище приготовленій къ таковой защитѣ заставитъ его ошступиться отъ напрасныхъ своихъ покушеній, и войско сие послѣшно удалится, чтобы не остаться между арміею Парижскою и арміею Императора!“

Трое неприятелискихъ лазутчиковъ приведены были въ Полицейскую Префектуру, откуда ихъ ошправили въ Главный Штабъ. Сожжено было множество бумагъ на дворѣ Военнаго Министерства, въ улицѣ Анли. Желъзные ворота, боковые входы и лавки

Пале-Рояля были во весь день запершы, равно какъ и большая часть магазиновъ въ улицъ Сеншъ-Оноре и другихъ частяхъ города.

Во все продолженіе битвы, бульваръ des Italiens и кофейный домъ Торшони наполнены были праздными людьми обоого пола, сидѣвшими, по обыкновенію, на находящихся шамъ сшульяхъ, и смотрѣвшими очень равнодушно на раненыхъ Французовъ и на проходившихъ союзниковъ. Раненыхъ офицеровъ переносили на шюфякахъ. Черные флаги вывѣшены были на всѣхъ госпиталяхъ, дабы союзными войска не бросали бомбъ и гранатъ по этому направленію.

Въ исходъ втораго часа, общій вопль: „спасайтесь (sauve qui peut)!“ раздавался по бульварамъ, отъ Сень-Маршенскихъ воротъ до будвара des Italiens. Всѣ побѣжали прочь, и волны народа пролинулись даже за Pont-Neuf. Но сей паническій страхъ скоро утихъ. О семь случаевъ рассказывали мнѣ многія лица, находившіяся въ разныхъ мѣстахъ, отъ бульваровъ до другаго берега рѣвки; я никакъ не могъ узнать причины онаго. По словамъ однихъ, два Австрійскіе кавалериста вскочили въ Парижъ Сень-Маршенскою заставой и проскакали по бульварамъ, гдѣ и были убиты. По словамъ дру-

гихъ, пьяный Польскій уланъ во всю прышь пронёсся по Монмаршрскому предмьстію, и кричалъ изо всего горла: *Sauve qui peut!*

Во весь день раненые Французы бродили по улицамъ Парижа, и многіе изъ нихъ умерли шамъ, безъ всякой помощи. Г. Фаваръ видѣлъ одного изъ нихъ, дошащившагося даже до Университетской улицы, и валявшагося шамъ на мостовой (*). Сосрадашешельные люди спрашивали у него, чего онъ хочешь. На сіе онъ отвѣчалъ, что хочешь шолько спокойно умерешь; что скоро и исполнилось. Нькошорыхъ солдашь поддерживали ихъ шоварищи; иныхъ несли даже на спинъ.

Въ 4 часа, Дюкъ Ровиго опсправился въ Бауа. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ встрѣшилъ его въ улицѣ *des Saints-Pères*: онъ вѣхалъ въ коляскѣ, съ женою. Позади вѣхала другая коляска, и человекъ съ двадцашъ лейбъ-жандармовъ провожали его. Все эшо скакало во весь опоръ. Графъ А. Жирарденъ вѣхалъ въ Парижъ въ 3 часа по полудни, объявляя, что Имперашоръ будешъ въ слѣдъ за нимъ и

(*) Университетская улица (*rue de l'Université*) находишся за рѣкою Сеной, совершенно въ противоположной шпоронѣ ошъ шой часши города, гдѣ происходило сраженіе. *Прим. Переводъ.*

уговаривая народъ ополчиться поголовно. Поискавъ понапрасну Короля Иосифа и Военнаго Министра, онъ повхалъ къ Г. Талейрану, а попомъ въ собственнй свой домъ; онъ оставилъ Парижъ въ полночь, и ошправился обратню къ Имперашору.

Г. А. де Лабордъ находился въ 6 часовъ за городскою стѣною, съ опрядомъ національной гвардіи. Какъ заспавы были закинушы рогашками, по находившіеся съ нимъ принуждены были помогашь другъ другу — перескочить черезъ оныя. Казаки, споявшіе прошивъ нихъ, смотрѣли на эшо, но не мѣшали имъ перейши. Жители дальнихъ часшей города не знали во весь вечеръ о капишуляціи. Миссъ М. сказывала мнѣ, что не было о помъ никакой вѣспи въ улицѣ Шароннъ, когда сія дѣвица ложилась спать.

Маршалъ Мармонъ сказывалъ мнѣ, что Иосифъ Бонапарше далъ ему повелѣніе заключить капишуляцію, когда заблагоразсудить, что всякая защита была бы бесполезна; и что онъ тогда шолько на сіе рѣшился, когда увидѣлъ 25-ши тысячную колонну свѣжихъ войскъ, шедшую слѣва. Въ шри часа по полудни онъ былъ въ концѣ Бельвилля; непріатель шакъ шѣснилъ его, что 11 человекъ было убишо шшыками подлѣ него. Въ сей крайности, находясь

ошрѣзаннымъ ошъ своего корпуса, онъ про-
 бился съ ошрядомъ въ 40 человекъ по ули-
 цамъ Бельвилля. Г. Келенъ, успѣвшій про-
 брашья въ Главную кварширу союзниковъ,
 возвратился въ эту минушу съ двумя офи-
 церами, о коихъ сказано было выше. Мар-
 шаль сказывалъ мнѣ, что союзники поме-
 рjali 10,000 человекъ, а Французы 4,000, и
 что Имперашоръ Александръ увѣрилъ
 его, что у союзниковъ было 200,000 чело-
 вѣкъ между Мо и Парижемъ; что они были
 удословѣрены, будто бы Наполеонъ оставилъ
 по крайней мѣрѣ 50,000 человекъ войска для
 защиты столицы. Маршалъ присовокупилъ,
 что союзники напрасно повели сию ашпа-
 ку; ибо они могли войти въ Парижъ ошъ
 Булонскаго лѣса, не встрѣшивъ никакого
 сопротивленія, тогда какъ нападеніе учи-
 нено было съ единственной шой стороны,
 гдѣ Французы готовились къ защитѣ.

Монисерь 30 числа хранилъ совершен-
 ное молчаніе о войнѣ и объ арміи. Чешыре
 шлобца съ чешвершью наполнены были
 спашьею о драматическихъ сочиненіяхъ, а
 шри шлобца диссертаціей о существова-
 ніи Трои. О шешрахъ было объявлено по
 обыкновенію.

Въ двѣнадцатомъ часу по полудни, Г.
 Фаваръ видѣлъ эскадронъ карабинеровъ, по-

дѣ Сень-Маршенскихъ ворошъ; они ошпрѣ-
влялись на поле бившвы. Въ эту же мину-
ту прибыли 50 или 60 военнопленныхъ,
взяшихъ не за-долго передъ тѣмъ. Караби-
неры очень горячились и швердили зрише-
лямъ, что скоро они пришлютъ военно-
пленныхъ еще болѣе; но, въ половинѣ впо-
раго часа, Г. Фаваръ видѣлъ, какъ они воз-
вращались въ большомъ уныніи.

Много ядеръ падало въ Парижъ. Я ви-
дѣлъ разбитое окно въ одномъ домѣ Сень-
Маршенскаго предмѣстія, споящемъ на углу
двухъ улицъ. Въ улицѣ Св. Николая, между
улицами Монбланъ и Тиру (Thiroux), одинъ
человѣкъ былъ раненъ внутри дома; его пе-
ренесли въ госпиталь, гдѣ онъ и умеръ. Во
время сраженія, Правитель и Регенты Бан-
ка велѣли разбить мѣдныя матрицы бан-
ковыхъ ассигнацій и уже хотѣли было
сжечь всѣ наличныя ассигнаціи, когда вѣспѣ
о заключеніи капитуляціи дошла до нихъ.

Знамена, взятыя Французами въ разныхъ
войны, и поставленные въ церкви Инвалид-
наго Дома, были уложены по приближеніи
Союзниковъ, дабы оныя можно было пере-
везти въ другое мѣсто. Но въ ночь, слѣдо-
вавшую за капитуляціей, сіи славные па-
мятники мужества Французовъ были сожже-
ны на дворѣ Инвалиднаго дома, въ силу по-

велѣнія, оставленнаго Дюкомъ Фельшпрскимъ. Шпага и шарфъ Фридриха Великаго, висѣвшія въ срединѣ свода, копорымиъ проходящъ изъ пришвора внутрьъ церкви, были испреблены въ шо же время.

(Изъ *London Magazine*) С.

3.

О К О Н Ч И Н Ъ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ ДОМЪ и Россія лишились Машери. Вчерашняго числа (24 Октябрия), въ шрешьемъ часу ушра, судьбами Всевышняго прекращена драгоцѣнная для милліоновъ людей жизнь Государыни Императрицы Маріи Теодоровны. Глубочайшая горешъ распространилась по всему городу, и въскорѣ плачевная вѣсшь разнесещя по всей Россіи, кошорая въ шеченіе пятидесяти двухъ лѣшъ была поприщемъ благошворныхъ подвиговъ Усопшей Государыни, свидѣшельницею и чшшшельницею Ея добродѣшелей. Великостъ пошери нашей едва ли измѣришся нашею

искреннейшею печалію, но да найдешь праведная скорбь вѣрноподанныхъ минушное утѣшеніе въ воспоминавіи о достоинствахъ ошозванной въ небесное ошечество свое души добродѣтельной, и въ мысли о той наградѣ, кошорая земную Труженицу добра, милосердія и всѣхъ доблесшей Христіанскихъ и человѣческихъ ошдаешь въ селеніяхъ вѣчности.

Съ кошорой стороны начнемъ исчисленіе качествъ и дѣяній Почившей, и гдѣ кончимъ сіе горесшно-сладостное воспоминаніе? — Не спашешь у насъ ни выражений, ни слезъ.

Въ черногахъ Царскихъ, среди упоевій величія и всѣхъ родовъ славы, Марія водворила всѣ семейственныя добродѣтели: благодарная дочь, нѣжная супруга, чадолюбивая мать, вѣрный другъ (добродѣтельные и на Прешолѣ имѣють друзей), вселила священное чувство сихъ обязанностей въ сердца всѣхъ, Ее окружавшихъ, и содѣлала подвиги добра, великодушія, самоошверженія наследственными въ Своемъ Августѣйшемъ Семействѣ. Дщери ея оодѣались украшеніемъ Дворовъ Европы, къ славы и гордости Россіи. Перворожденный Сынъ Ея, Спаситель и Примиритель Европы, пріялъ уже нечлѣнные вѣнцы славы и въ сердцахъ по-

помощва, и у Престола Предвѣчнаго. Другіе два Сына..... Европа и вселенная видѣла великодушную борьбу Ихъ, неизмѣющую примѣра въ лѣтописяхъ міра. Мать счастливая и добродѣтельная! насладись нынѣ *тамъ* вполне Своимъ блаженствомъ.

Довольно было бы сихъ правъ на благословеніе современниковъ, на удивленіе потомства, но мало для души, жаждущей добра: Марія полагала, что Она ничего не совершила, когда еще что либо оставалось сдѣлать для блага человѣчества. Она пріяла отъ Августѣйшаго Своего Супруга, за шридесятъ лѣтъ предъ симъ, должность священную и для Ея сердца усладительную—быть защитницею, покровительницею, благотѣльницею бѣдныхъ, сирыхъ, спраждущихъ. И какъ совершила Она сей великій подвигъ? Государыня, въ полномъ смыслѣ слова, *служила* Россіи. Никакой Министръ въ свѣтѣ не могъ сравниться съ Нею въ дѣятельности, усердіи, неутомимости. Взгляните, соотечественники, на превосходныя, единственныя въ мірѣ заведенія, возникшія и процвѣвшія подъ благошворнымъ покровомъ Незабвенной! Исчислите милліоны осушенныхъ Ею слезъ, водворенныхъ трудами Ея въ сердца добродѣтелей, искрененныхъ Ея попеченіемъ пороковъ! Упра-

вленіе Ея было не временное попеченіе, внутреннее минушимъ сосраданіемъ, а непрерывное, спройное въ цѣломъ, соотвѣтствующее цѣлому въ частяхъ своихъ, занятіе. Спрогая въ исполненіи возложенной на Себя должности, попечительная о малѣйшихъ подробностяхъ сопряженныхъ съ оною дѣль, Государыня украшала, услаждала труды Свои крошесью, милосердіемъ, сосраданіемъ. Нигдѣ чиновники не служили въ продолженіе толкихъ лѣтъ сряду, какъ подъ Ея высокимъ начальствомъ; нигдѣ не заслужено столько пенсіоновъ; нигдѣ не было столь мало нарушеній обязанности. Найдите одно бѣдствующее семейство, одного оставленнаго сироту честныхъ чиновниковъ, находившихся подъ Ея благотворнымъ вѣдѣніемъ: всѣ призрѣны, воспитаны, осчастливлены. А тѣ, которые были ближайшимъ предметомъ Ея материнскихъ попеченій! Вы, отъ рожденія лишенные родителей и имени! вы, юныя сироты благородныхъ людей, положившихъ жизнь свою за опечесство въ подвигахъ воинскихъ и въ трудахъ гражданскихъ! вы, обиженные природою, слѣпцы, льмошесствующие! вы, брошенные на одръ плача, убогіе и спрадущіе! отвѣстесствуйте: что́ была Она для васъ, и чего вы въ Ней лишились!

Боже праведный и въ судьбахъ Своихъ неисповѣдимый! даждь, да блаженный духъ Маріи не оспаляешь возлюбленной Ею, благодарной, сиротспвующей Россіи! да наслѣдіе, Ею дарованное, навсегда, навсегда пребудеть достояніемъ Августѣйшаго Дома Императорскаго, и симъ да ушвердишься навѣки между нами и внуками нашими благоговѣйное о Ней воспоминаніе!

О обстоятельствахъ, сопровождавшихъ кончину, блаженныхъ памяти, Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, сообщаемъ слѣдующія достоверныя извѣстія:

Еще въ полдень 23-го числа не было примѣчено никакой явной опасности въ положеніи Ея Императорскаго Величества, и надежда на скорое Ея выздоровленіе казалась несомнѣнною. Съ сего времени болѣзнь начала усиливаться, но до пяти часовъ по полудни самые врачи не находили причинъ къ опасеніямъ. Въ шестомъ часу, особы, приходившія во дворець, для полученія извѣстій о состояніи здоровья Ея Величества, замѣтили возрастающее на всѣхъ лицахъ смущеніе, и когда, въ 6 часовъ, Министръ Двора Его Императорскаго Величества послалъ за Духовникомъ Государыни, недоумѣніе сіе превратилось въ

безмолвный ужасъ и отчаяніе. Узнали, что болѣзнь вдругъ приняла опасный оборотъ, и что къ спасенію драгоценныхъ дней Ея Величества не было уже надежды. Государыня Сама изъявила желаніе приобщиться Священныхъ Таинъ, лишь только Государь Императоръ почелъ за благо упомянуть о томъ однимъ словомъ. Въ 7 часу сподобилась Она, съ благоговѣніемъ, спокойствіемъ и швердосцію, вкушить Священныхъ Даровъ Христовыхъ, и собравъ послѣднія свои силы, могла при томъ приводняться и съесть въ постели. Все сіе время Государь не оставлялъ Своей Родительницы. Императрица Александра Ѳеодоровна также изволила при Ней находиться безопадно. — Приготовясь къ отшествію въ вѣчность, Государыня обратила еще земныя очи на то, что ей всего дороже было въ здѣшнемъ мірѣ, и шрепешущею рукою дала послѣднее родительское благословеніе Августѣйшимъ Своимъ Дѣтямъ, завѣщая оное поимянно и Тѣмъ, Которые въ сію священную минушу были разлучены съ Нею, Цесаревичу Константину Павловичу, Великому Князю Михаилу Павловичу, Великимъ Княгинямъ Маріи Павловнѣ, Аннѣ Павловнѣ и Еленѣ Павловнѣ. По волю Ея Величества, вризвали къ Ней Наслѣд-

ника Престола. Онъ самъ спросилъ у Нея, не угодно ли Ей видѣть и Сесприцу, и получивъ на то согласіе, побѣжалъ за Ними, и привелъ Великихъ Князьевъ къ одру Умирающей. Государыня благословила всѣхъ любезныхъ сердцу Ея Внушамъ, и уже съ прудомъ, при пособіи Государя, возложила ослабѣвающую руку на поднесеннаго къ Ней, пробужденнаго отъ сна, младенца Константина.

Вскорѣ послѣ сего Государыня погрузилась въ крошечную дремолу, и только за часъ до кончины на одно мгновеніе обратила глаза на Государя, но не произнесла уже ни слова. Она кончалась смертію праведныхъ, безъ всякой борьбы и спораданія. Въ исходѣ прешьяго часа ушра легкой прелепью на устахъ возвѣсшилъ окружавшимъ Ее о наступленіи послѣдняго мгновенія, и небесная улыбка появилась на лицѣ Преспавльшейся....

Тогда справедливая, громкая горесть, послѣ безмолвнаго унынія, вспунила въ права свои. Вопли раздались во дворцѣ, разнеслись по всему городу. Народъ съ искреннимъ чувствомъ оплакиваетъ *Матушку* *МАРІЮ* *ФЕОДОРОВНУ*, какъ привыкъ называть и чинить Ее съ давнихъ дѣтъ.

Н. Гречъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

30. *Hygiène philosophique, ou de la sante dans le régime physique, moral et politique de la civilisation moderne, par J. J. Virey* (Философическая Гигіена, или о здравіи въ порядкѣ физическомъ, нравственномъ и политическомъ новѣйшей образованности. Соч. Ж. Ж. Вирей, Доктора Медицины Парижскаго Факультета, Почетнаго Члена Королевской Медицинской Академіи, бывшаго Профессоромъ Естественной Исторіи въ Королевскомъ Парижскомъ Атенее и пр.); 2 тома въ 8 д. л., 1-й въ 310, а 2-й въ 312 стр. Парижъ, 1828.

(Г. Вирей принимаетъ за основное правило, что обыкновенное соснояніе чловѣка есть здоровье. Болѣзни приключаются ему извнѣ, какъ то: удары, паденія или другіе какіе либо насильственныя случаи; онъ наносится ему также излишесствомъ жепла, холода, сырости, сухости или иными силь-

ними переменами атмосферы; больше же всего заражающа оиѣ ошъ предметовъ, принимаемыхъ нами во внутренность: ошъ воздуха, ошъ пищи и нишья; наконецъ ошъ нравственныхъ причинъ, больше или меньше дѣлающихъ на насъ впечатлѣнія.

Привыкнушъ къ перенесенію неизбежныхъ пошрасеній, не упошребляшъ во зло ни силъ своихъ, ни склонности къ наслажденіямъ, — вошъ средства сохраняшъ свое здоровье.

Какъ навыхъ дѣлаешся вшорымъ закономъ жизни, шо „спанемъ упошребляшъ,“ говоришъ Г. Вирей, „сію чудную способность навыка къ перенесенію шрудовъ, боли, непогодъ и всѣхъ неизбежныхъ случаевъ нашего бышія.“

Намъ даны руки для работы и мозгъ для размышленія. Умѣренный шрудъ не шолько не корошашъ жизни, но еще продолжашъ ее.

Равную ли долю добра и зла несемъ мы въ женашомъ сосшояніи, и въ холосшомъ?

Какъ сей вопросъ непосредшвенно касается до здравія, шо Г. Вирей входишъ въ изслѣдованіе онаго. „Бракъ,“ говоришъ онъ: „кажешся шяжкой ношею для шого, кшо его не извѣдалъ; но привычка дѣлаешъ его шоль легкимъ, чшо пошгаюшъ на него

впорядно, когда смерть развела первый... Исследования о смертности доказываютъ, что женатые люди долговѣчнѣ холостыхъ, хотя впрочемъ всѣ условія доспашка ихъ и званія сходны между собою.... Сказано, что дружба необходимѣ для жизни, нежели самое правосудіе, и что она удваиваетъ существованіе: а можно ли надѣяться дружбы постороннѣ и шьснѣ гдѣ бы то ни было, какъ не въ собственномъ своемъ семействѣ, связанномъ съ нами узами крови, сосраждающемъ въ нашихъ горестяхъ и участвующемъ въ нашихъ радостяхъ?"

Г. Вирей говоришь о вліяніи сельской и городской жизни на крѣпость силъ и долговѣчность человека: „счастливи, кто можешь сперва наследоватьъ благошворную прошую соспожня поселанъ, и потомъ переродиться въ нѣдрахъ упонченной образованности городовъ; словомъ, попеременно переходить изъ Спаршы въ Аены. Онъ не изнѣживается и не грубѣетъ; онъ соблюдаетъ великодушную свою искренность въ городскихъ госпинныхъ, и въжливостъ подъ сельскою соломенною кровлею.... Сколь спасительна для здравія человека, родиться въ чистомъ воздухѣ полей; сохранишь шамъ свою невинность, врожденную, дѣвственную чистоту свою во время юности, споль же

для зрѣлаго возраста полезно проводишь дни среди сокровищницъ, посвящаемыхъ въ городахъ Искусствамъ, а болѣе всего промышленности, къ упроченію честныхъ способовъ существованія.“

Г. Вирей разсмащриваетъ собственное наше къ себѣ уваженіе въ отношеніяхъ его къ здоровью. „Тотъ“ говоритъ онъ, „кто не ощущаетъ никакого самодовольствія, не зная, какъ найшисъ, не только будешь несчастливъ, но едва ли сохранишь шѣлесныя свои силы и здоровье. *Горечь и тошнота* (*les déboires et les dégouts*) оскорбленнаго самолюбія въ собенности расслабляютъ (какъ самыя сіи слова показываютъ) желудокъ до такой степени, что онъ отвергаетъ пищу и не свариваетъ оной: это родъ ошуманивающаго ума нашъ яда, копорый дѣлаешь насъ глупыми ошъ шоски и печали; шаково, напр. *скрывшееся внутри честолюбіе*, шодико смершноносное для царедворцевъ, постигнушихъ опалю.“

Г. Вирей подшверждаетъ доводами шакою мысль, копорая съ перваго взгляда кажется ложною; а именно: о *пользѣ горести*. „Сколько ешь шакихъ людей,“ говоришь онъ: „копорые по ушонченному впикурензю, исправляли горестными впечатлѣніями шомишельную пришорность слишкомъ од-

нообразнаго благополучія, и сколько Царей укрывались иногда подъ соломеною кровлею ошъ докучнаго своего вліянія! Не лѣзя безпрестанно насыщаться медомъ и сахаромъ, и не почувствовавъ къ нимъ смертельнаго отвращенія. . . . Роскопная жизнь еспъ ша же сухошка: лихорадочная, съ бредомъ, она не даешъ ни здоровья, ни истиннаго благополучія. Жизнь, перемъшанная съ недоспашками и какъ бы умвряемая горькими испыпаніями, становишся крѣпче и долговѣчнѣе; можно сказать, что она укореняешся посреди бурь, подспрекающихъ нашу бодрость и крѣпящихъ душу.“

IV.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 8.

П о э з і я.

32. *Хіосскій Сирота. Сочиненіе Платона Ободовскаго.* — С. П. б. въ шипогр. Депарш. Народ. Просвѣщенія, 1828. Въ 12 д. л. 70 стр.

(Содержаніе повѣсти просто. Въ ней, Хіосскій сирота самъ разсказываетъ о жизни своей въ домѣ родишельскомъ, о нашествіи Турокъ на Хіосъ, о смерти своего отца, пльненіи всего его семейства, неволѣ своей въ Константинополь, встрѣчѣ тамъ съ своею матерью, побѣгъ своемъ изъ дома жестокосердаго Ахмешъ-Али-Паши, и наконецъ о прибытіи своемъ въ Одессу. Сочинишель ничего не прибавилъ къ шому ошъ себя: онъ шолько прекрасными стихами ве-

редаць намъ слышанное имъ опъ самага Хіосскаго сиропы, Коспаки Л. . . ., находящагося нынѣ въ С. Пешербургѣ и воспишывающагося въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній, на иждивеніи Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Сочинишель, по тонкому чувству поэзіи, не продолжалъ повѣсти Хіосскаго сиропы по прибытіи его въ Одессу, но досказалъ прозою послѣдовавшія съ нимъ событія. Г. Ободовскій зналъ, что возбудивъ соучастіе къ судьбѣ сиропы изображеніемъ его бѣдствій, онъ шолько ослабилъ бы сіе впечатлѣніе, разговоромъ о счастливой перемѣнѣ его участи. Ибо челоуѣкъ, сколь бы ни сильно чувствовалъ благодарность за оказанныя ему благошворенія, но въ выраженіи оной никогда не бываешь споль краснорѣчивъ, какъ въ описаніи своихъ спраданий. Горести и бѣдствія сосшавляють собшвенно Поэзію въ обыкновенномъ бышу челоуѣка; мирное благосостояніе принадлежишь болѣе Прозѣ.

Поэма Г. Ободовскаго содержишь въ себѣ многія прекрасныя описанія. Довольно указашь на каршину разоренія оспрова Хіоса, на изображение злобнаго Ахмеша-Али, на свиданіе сиропы съ маперью своею въ Конспаншиноподѣ и пр. Вообще въ поэмѣ

сей много движенія и души, вѣрное изображеніе мѣстности и занимательныхъ подробностей. Больше всего нравится она (тою простосердечною, дѣшскою откровенностью, съ копорою Хіосскій сирота рассказываетъ собственныя свои приключенія. Самое впечатленіе богато истинными красотою поэтическими:

„У Турокъ я сненаль, друзья,
 Я на краю стоялъ могилы.
 Но что предъ Богомъ вражки силы?
 Онъ внялъ меня — и съ вами я:
 Свободно дышишь грудь моя.
 Но часто я на Хіосъ дальній
 Парю встревоженной душой:
 Туда, гдѣ славный спариной,
 Архипелагъ волной кристальной
 Лелѣшь берегъ мой родной.
 Я вижу праощевъ обитель,
 И роци лавровъ и оливъ:
 И съ шумной присанью заливъ,
 И садъ, гдѣ часто мой родитель,
 Держа въ объятіяхъ меня,
 Любилъ встрѣчашъ свѣшило дня.
 Лимонъ шамъ рдѣеть лучезарный
 И гнется гибкая лоза,
 И баблей падаетъ янтарной
 Масшики (*) свѣшная слеза;

(*) Масшика. Смола, ежегодно вытекающая изъ масшиковаго дерева (*lentisque*), есть бешель шун-

За кипарисами внѣ града
 Дряхлѣешь мшистая ограда —
 Ахъ! шамъ могилы безъ крестовъ (*)
 Скрываюшь прахъ моихъ ошцовъ.
 Вдругъ измѣняюща мечшанья :
 Я вижу Хіосъ, — но надъ нимъ
 Сполпомъ клубишься черный дымъ ;
 Я слышу выстрѣлы, сшенанья
 И вопль и плачь семьи родной ,
 И вижу — надъ моей главой
 Заносишь Турокъ мечъ кровавый
 И шрупъ родишеля безглавый
 У ногъ врага То не мечшы !
 Узнайше повѣсьшь сиромы .“

Такое вступленіе ужè заманиваетъ и
 пригошовляетъ чипшателей выслушать жа-
 лостную повѣсьшь Хіосскаго сиромы. Если
 присовокупимъ, что повѣсьшь сія написана
 и издана Г. Ободовскимъ для того, чтобы
 вырученныя за нее деньги употребить на
 выкупъ меньшаго брата Хіосскаго сиромы,
 малолѣтшаго Ламбрине, кошорый донынѣ

ядныхъ швореній, наполняющихъ гаремы Востока.
 Турчанки жуошь сіе благовонное вещество для пре-
 провожденія времени, кошораго не знаютъ на что
 употребить.

(*) Турки запрещаюшь Грекамъ спавишь кре-
 сшы на могилахъ.

спрадаешъ въ пѣну у Турокъ; то конечно, въ глазахъ сострадашельныхъ Россіянъ, небольшая сія поэма получишь новую цѣну. Она открываетъ имъ легкое средство удовлетворить любимой спраши душъ ихъ — благошворительности: ибо съ пожертвованіемъ небольшой суммы (5 руб. ассигнаціями за экз.), они могутъ споспѣшествовать испорженію молодаго Христіанина, Грека, изъ шигровыхъ когшей враговъ Христіанства.)

1384

